

№10

Октябрь 2024

РУССКИЙ КЛУБ

ТБИЛИСОБА-2024

**Сердечно поздравляем с 70-летием
ДМИТРИЯ КРЫМОВА,
выдающегося театрального режиссера,
сценографа, художника и педагога
нашей современности!**

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**Князь Никита ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№10 (228)
Октябрь 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ТБИЛИСОБА СКВОЗЬ ГОДА
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 11 МАСКА ЛЕРМОНТОВА
ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ
- 15 КНИГА О ДИДУБИЙСКОМ ПАНТЕОНЕ
КЕТИ ПЕРАДЗЕ
- 16 ПОДАРОК БОГА!
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
- 18 ИСКУССТВО ВСЕГДА ПРОРЫВАЕТСЯ!
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 22 «ЗВЕЗДЫ ПАДАЛИ МНЕ НА РУКАВ...»
ЖАННА ОВАНЕСОВА
- 29 МУЗЫКА, СОЕДИНЯЮЩАЯ КУЛЬТУРЫ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 30 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 36 БЕЗ ДНА
НОДАР НИКУРАДЗЕ
- 40 ПИОНЕРКА МАЙЯ КАВТАРАДЗЕ
МИХАИЛ КОЗАКОВ
- 44 ДОТЯНУТЬСЯ ДО НЕБЕС, ИЛИ КАК ОБРЕСТИ КРЫЛЬЯ
ЕКАТЕРИНА МИНАСЯН
- 48 МЫ СЛУЖИМ ГРУЗИИ!
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 50 АРИСТОКРАТ ФУТБОЛА
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 52 ГРУЗИНЫ НА ВСЕМИРНЫХ ИГРАХ КОЧЕВНИКОВ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 54 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

На обложке – ТБИЛИСОБА-2024

Фото: Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

САМЫЙ ПЕРВЫЙ НА СВЕТЕ ЦАРЬ

Благодаря достижениям мировой археологии, когда был найден легендарный Ниппурский царский свиток, нам стало известно точное имя самого первого на свете монарха – повелителя древнего Шумерского города Эриду. Ну там, царь не царь, а лугаль – военный вождь древних шумеров. И жил он никак не раньше 30-го века до новой эры. По легенде, еще до Потопа. Это стало известно при раскопках на территории современного Ирака. Предание гласит, что бог творения, разума, мудрости и магии Энки основал один из древнейших и самых священных городов шумеров Эриду. Это была своеобразная резиденция для особы царского сана. Мифологический Энки был создателем и защитником людей, искусным мастером, а также блестящим ученым, генетиком и инженером. И хотел созданным им людям хорошего. Посему назначил правителем Эриду некоего Алулима – первого в истории монарха. Его имя

означает «олень-самец» или «вол», а напоминал он по преданию полурыбу, получеловека... очень странное существо. И правил он 28 800 лет. По другим данным, его правление продолжалось 67 200 лет. Древние люди не мелочились – править так править. 28 800 по-шумерски равняются 8-ми сарам, а 67 200 лет – 18-ти сарам и 4-м нерам. Считается, что сары и неры должны восприниматься, как годы и месяцы. Тогда получается, что древний Алулим правил... 8 или 18 лет. Вполне возможно. Рамзес Второй или Людовик XIV тоже подолгу правили. А может, древние считали еще как-нибудь хитрее. По крайней мере, последователи Алулима лугвали Алларгар и Эн-Менлуана правили по 12 сарам, что почти вдвое больше. А что касается того, что древний царь был полурыбой, то, возможно, он, в отличие от своих поданных, просто умел... плавать, что тогда казалось чем-то сверхъестественным?

ПЕРВЫЙ КОРОЛЬ АНГЛОСАКСОВ

Он жил во второй половине IX века на острове Британия. Времена тогда стояли непростые, а весь остров был поделен на небольшие и несильные королевства. Наш герой был младшим из пяти детей короля Уэссекса Этельвульфа. И родился осенью 849 года. Имена отца и деда, а также всех братьев начинались на букву «Э», а ему имени с такой буквой не хватило, его назвали Альфред. Трон и корона ему не светили, и все ожидали, что юный принц избрет духовную стезю. К тому были все предпосылки, Альфреда обладал феноменальной памятью, он с первого прослушивания запоминал до слова древние сказания, которые ему читали. Сам же до двенадцати лет оставался неграмотным, пока его матушка не объявила детям, что отдаст красивую книгу с поэмами, украшенную цветными картинками, тому, кто ее прочитает и запомнит все стихи наизусть. Конечно же, выиграл это соревнование ее младший умный сынок. И сохранил книгу навсегда. Он до самого конца своей пятидесятилетней жизни не переставал учиться – в 40 лет Альфред самостоятельно изучил латынь и создал вольные переводы на язык англосаксов трудов папы Григория Великого, исторических писаний Беда Достопочтенного, книг Северина Бозция и Орозия. Но до вершины феодальной власти Альфред дошел очень нескоро. Сначала правили его братья на букву «Э». А принц каждому помогал в сражениях с викингами – захватчиками из-за моря. Так выковывался его характер. Когда от полученных увечий и ран в битвах

скончался его последний брат, король Этельред, Альфред стал правителем Уэссекса. Но с викингами ему сражаться на равных не удавалось, приходилось откупаться. А чтобы откупаться, нужны были богатства, а взять их можно было только со своих подданных в виде высоких налогов. Альфред вынужден был знать и церковь внести большую долю, а те из духовных и светских землевладельцев, кто не мог заплатить, лишались своих владений в пользу короны. Народу и знати это не понравилось. И когда предводитель викингов Гутрум нарушил данное слово и напал на земли Альфреда, желающих защищать короля нашлось не так уж и много. Король и дружина бежали в болота Сомерсета. А там молодой правитель и вовсе остался один. Он набрел на хижину рыбака, где, неузнанный, нашел приют и кров. Он помогал по хозяйству, рубил дрова, следил за очагом. Однажды, ремонтируя копье, зазевался, и пироги в печи сгорели. Строгая рыбацкая грубо отчитала гостя, а он смиренно принял упреки, ибо высокомерный характер владыки из-за несчастий сильно изменился. Он научился уважать простых людей. И вскоре наступил момент, когда самые верные из его воинов отыскали его в глуши и присоединились к нему. Постепенно там был развернут настоящий партизанский штаб для борьбы с захватчиками. И Альфред, не зря названный потомками Великим, собрал армию, сплотил народ и вернул себе власть не только над Уэссексом, но и над всеми окрестными королевствами. Он провел военные реформы, создал флот и сеть оборонительных сооружений. Альфред Великий смог к 90-м годам IX столетия нейтрализовать норманнскую угрозу, нависшую над Англией. Он заменил фирд – пешее ополчение англосаксов, на отряды тяжеловооруженной профессиональной армии. Альфред раздавал земли воинам конной знати, которые приводили с собой на поле боя 4-5 легких пеших воинов в кольчугах с копьями и щитами. И они побеждали. Альфред стал первым монархом, кто назвал себя «король англов и саксов».

УЧЕНЫЙ И ФАНТАСТ, СЫН МЕЛЬНИКА

Наш сегодняшний герой не знал точного дня своего рождения. По последним данным, он родился в октябре (возможно, 4 числа) 1919 года в маленькой белорусской деревне Петровичи в самый разгар Гражданской войны. Его родители, обитатели еврейского местечка, были небогаты, но владели маленькой мельницей. Их фамилия была Азимовы, в честь озимой пшеницы. В два года их сын, названный в честь деда Исааком, в числе полутора десятков малышей Петровичей, заболел двусторонней пневмонией. Но выжил он один – судьба явно хранила будущего знаменитого ученого и литератора. Ему было четыре года, когда родители увезли его в Америку, где семья поселилась в Бруклине и завела кондитерскую лавку. В семье говорили только на идиш и на английском, чтобы дети знали язык новой родины. А русско-го Исаак, или, на американский лад, Айзек, так и не выучил. Мальчик был очень одаренным, читать научился в неполных пять лет, а заодно научил этому и младшую сестру. Кстати, смысленные дети поступили в школу раньше положенного возраста, их родители немножко сжуравили и подправили документы. Закончив школу в пятнадцать лет, Айзек почти сразу поступил на химический факультет Колумбийского университета в Нью-Йорке, в 1939 году получил степень бакалавра, в 1941-м – степень магистра по химии и поступил в аспирантуру. Но шла война, и писать научную работу было невозможно. Молодой Азимов поступил работать химиком на военную судовой верфь в Филадельфии. К слову, там же и в то же время работал еще один будущий выдающийся писатель-фантаст – Роберт Хайнлайн. После войны, отслужив в армии два года, Айзек закончил аспирантуру и защитил диссертацию, став доктором биохимии. У него был на редкость высокий IQ, что позволило ему сделать прекрасную ученую карьеру, за которую он написал более 150 научных работ. В

дальнейшем он устроился преподавателем в свой родной университет. Спустя десять лет ему перестали платить за эту деятельность зарплату. Но к тому времени Айзек Азимов своими литературными трудами получал гораздо больше профессорского жалованья. И преподавал он почти до самой смерти. Дело в том, что этот уроженец белорусской деревеньки к середине пятидесятих годов был всемирно известным писателем-фантастом, написавшем большое число произведений, включая знаменитый цикл о роботах, где сформулировал три знаменитых закона роботехники, ставших основным принципом создания искусственного интеллекта. Великий писатель-фантаст и ученый-биохимик прославился еще и как выдающийся популяризатор науки, рассказавший молодежи простыми словами о самых сложных вещах. Его, написавшего за жизнь более 500 художественных произведений, неоднократно отмечали высокими литературными премиями – Хьюго, Небьюла и журнала «Локус». У него было много почитателей в мире, включая даже таких одиозных злодеев, как Усама бен-Ладен. Он назвал свою страшную террористическую организацию «Аль-Каида» в честь романа Азимова «Основание». Айзек Азимов был великим гуманистом и говорил: «История достигла точки, когда человечеству больше не разрешается враждовать... Не думаю, что можно заставить всех людей любить друг друга, но я желал бы уничтожить ненависть между людьми».

ЛЕГИОНЕР, БРАТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Знаменитый писатель России Максим Горький, а от рождения Алексей Максимович Пешков, был в молодости отважным и веселым человеком. Он поддерживал революционеров деньгами и своими действиями. И, будучи молодым журналистом, лично организовывал печатание запрещенных листовок в свою бытность в Нижнем Новгороде. Его добрый приятель, хозяин граверной мастерской Мойше Израилевич Свердлов, тоже сочувствовал справедливой борьбе и охотно печатал эти самые листовки и фальшивые документы для подпольщиков. И среди его детей Горькому приглянулся старший мальчишка с женским именем Зинка – его звали Зиновий. Но писателя и пятнадцатилетнего пацана схватила полиция, и они попали в тюрьму две недели. Алексей взял вину на себя и отправился в ссылку в Арзамас. А Зиновий увязался за ним на правах младшего братишки. В Арзамасе писателя посещали всякие знамени-

тости, и Зиновия со всеми знакомили. Немирович-Данченко, услышав, как Зиновий читает роль Васьки Пепла из пьесы «На дне», сказал, что возьмет талантливого мальчишку прямо в Художественный театр. Но мальчик был евреем, а в России была черта оседлости, не позволявшая евреям, не некоторыми исключениями, жить в Москве. Решили, что Горький Зинку усыновит и даст ему свою фамилию. Так на свете появился Зиновий Пешков. Какая же у него была судьба! В 1904 году он уехал в Канаду, потом добрался до Америки, Италии и Франции. А потом началась Первая мировая, и Зиновий пошел добровольцем во французскую армию. Когда-то родной отец Мойше проклял сына-отступника суровым иудейским проклятием – да потеряет правую руку сын, не пожелавший стать правой рукой своего родителя. А ведь это сбылось – Зиновий Пешков, воюя в составе Иностранного легиона, в одной из атак потерял правую руку. Ему присвоили офицерское звание, и он занялся дипломатической работой. Ибо к тому времени в своих скитаниях изучил девять языков. А потом было несколько десятилетий сплошных приключений французского офицера и дипломата. Он воевал в обеих мировых войнах. Был знаком с Лениным, Чан Кайши, Мао Цзэдуном, Колчаком и многими другими историческими личностями XX века, был личным другом генерала де Голля и кавалером пятидесяти французских наград, включая орден Почетного легиона. Будучи командиром Иностранного легиона, Зиновий Пешков стал корпусным генералом, что применительно к Российской армии приблизительно соответствует званию генерал-полковника. Зиновий Пешков прожил яркую интересную, полную приключений и драм жизнь. А на его могиле написано скромно – Легионер. Но в российской истории мы знаем его младшего брата – Якова Михайловича Свердлова, председателя ВЦИК. Вот так!

Тбилисоба-2014

ТБИЛИСОБА СКВОЗЬ ГОДА

Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

Это было ровно сорок пять лет назад. Солнечным октябрьским утром 1979 года мама надела на меня кофточку, папа перевесил через плечо кожаную сумку с фотоаппаратом, и мы пошли на самый первый Праздник осени, который позднее назвали Тбилисоба. Мне было всего четыре годика, поэтому в моей памяти День города сохранился лишь в виде фрагментов красочно оформленных домов.

Сначала мы спустились в Кировский парк (ныне Верийский), и нашему взору открылся типичный сельский пейзаж: повсюду стояли дома из плетеных прутьев с соломенными крышами, они были оформлены в стиле различных регионов страны, и на каждом из них висела овечья шкура с надписью названия города, который этот дом представлял – «Сенаки», «Зугдиди», «Зестафони»... Все дома были украшены связками красного перца, шафрана и чеснока. По траве бегали куры и петухи, неторопливо разгуливала козочка. Рядом была устроена малень-

Тбилисоба-1979

кая пекарня с двумя печками, одна из них – традиционная, круглая, в которой пекли столь любимый всеми грузинский хлеб – «шотис пури», вторая – выпуклая, чугунная сковорода, ее на Кавказе еще называют «садж», в ней пеклись ароматные, тонкие лавашы. Оба пекаря были одеты в белые халаты и работали в поте лица. У филармонии стоял фазтон с кучером в костюме карачогели, он был очень занят – не было отбоя от желающих прокатиться по улицам в старинной грузинской карете, он посадил к себе шарманщика, пожилого мужчину в сванской шапке и голубой крестьянской рубашке, и на улице

Меликишвили зазвучали старые тифлиские мотивы. Посередине этой импровизированной деревни был накрыт стол с угощением: шашлыки, жареная курица, помидоры с огурцами, зелень, овечий сыр гуда – вкуснейший продукт, доставленный из высокогорных сел Грузии, дымящееся лобio в глиняных горшочках, заправленное кондари, бутылка с соусом ткемали, хрустящий хлеб – шоти, и, конечно же, кувшин с вином. Весь этот гастрономический «рог изобилия» папа снимал на пленку, равно как и великолепно собранные профессиональ-

цыоры ансамбля «Сухишвили», затем их сменили Нани Брегадзе и Буба Кикабидзе. Из динамиков звучали знаменитые песни про Тбилиси.

На Рике тоже царил атмосфера праздника и неподдельного веселья, в огромных котлах варили пеламуши и делали чурчхелы, на вертелах жарили шашлыки, в деревянных сацнахели давили виноград, только что собранный на ртвели в Кახети. Мы с мамой гуляли, а папа – снимал, и снимал он много, меняя одну катушку за другой. Тогда в СССР из ГДР завозили немецкую цветную пленку

ского Союза, отличался пышностью. В архиве Первого канала грузинского телевидения сохранился уникальный репортаж с праздника 1981 года, это запись длительностью в 45 минут, и начинается она с исполнения знаменитой песни «Здравствуй, мой Тбилиси-город!», которую пел сам Зураб Анджапаридзе. Звание Почетного гражданина столицы в тот день было присвоено композитору Андрею Баланчивадзе, легендарным хореографам Нино Рамишвили и Илико Сухишвили, скульптору Элгудже Амашукели, известному российскому кардиохирургу

Тбилисoba-1979

ными декораторами натюрморты из овощей и фруктов.

Потом мы поехали в Старый город, на главное торжество. «В метро было так много народа, что яблоку негде было упасть, поэтому папа усадил тебя на плечи, и так мы спустились на эскалаторе к вагонам», – вспоминала мама. В Абанотубани гостей ждало великолепное театрализованное представление: с балконов свисали пестрые ковры, «кнейны» в платьях XIX века с головным убором «чих-тикопи» стояли рядом с кавалерами, наряженными в чоха-ахалухи. Эти «князья» с гордостью смотрели вниз, в сторону большой сцены, где выступали тан-

ORWO Color, на которой можно было делать слайды (если кто не помнит – это позитивные изображения, которые проецировали на экран). Папа покупал ее блоками и потом использовал только для «особых» съемок: больших праздников, путешествий, командировок. Дело в том, что эта пленка стоила достаточно дорого, и он не тратил ее на «тривиальные» сюжеты. Именно благодаря ORWO Color сегодня я могу смотреть эксклюзивные, цветные фото с самого первого Тбилисoba – кадры, которых ни у кого нет.

День города и в последующие несколько лет, вплоть до конца существования Совет-

Владимиру Бураковскому. «Я представитель очень трудной, сложной профессии, наверное, мне бы ничего в жизни не удалось, если бы я не родился и не вырос в этом городе», – сказал Бураковский после церемонии награждения. Перед многотысячной аудиторией Илико и Нино станцевали свой знаменитый танец «картули»...

В 1989 году праздник был отменен из-за трагедии 9 апреля, затем были акции протеста с пикетированием улиц и – война... Пауза продлилась несколько лет. В 1995 году Тбилисoba вновь стали отмечать, но с учетом царившей в стране ситуации, День города тби-

Тбилисоба-1979

лисцы использовали, чтобы запастись сельскохозяйственной продукцией. Для горожан это был шанс купить овощи и фрукты из первых рук, а крестьяне пользовались возможностью за два дня получить выручку за большую часть своего урожая. В нескольких точках столицы раскрывались шатры, где жарили шашлыки, продавали разливное вино, чурчхелы, там же из легковых машин можно было купить говядину и свинину. Один праздник Тбилисоба мне запомнился тем, как мы втроем пошли к Верийскому парку и накупили тыкв на всю осень, штук десять-одиннадцать, еле дотащили их домой.

Когда я подросла, папа научил меня снимать, и теперь уже я ходила на День города с тяжеленным кофром, набитым объективами. Несколько лет назад пленочный аппарат сменился цифровым, неизменным остался лишь сюжет – красочные мероприятия и кулинарный фейерверк осенней столицы. Основные мероприятия традиционно проходили в Старом городе, на улицах Шардена, Шавтели, Бамбис риги, Ркинис риги, в Абанотубани. В рамках Фестиваля фруктов кафе соревновались, кто красивее оформит праздничный стол, сделает ассорти из фруктов. Сотрудники ресторанов, переодетые в костюмы кинто, наполняли пла-

стикомые стаканы дымящимся пеламуши, добавляли туда грецкие орехи и раздавали стоящим в огромной очереди гостям.

Пару лет назад к праздничным локациям добавились Легвтахеви, площади Европы, Гудиашвили и Орбелиани, а также Этнографический музей имени Георгия Читая. То, что в программе мероприятий Тбилисоба сухо называлось «реконструкцией старого Тбилиси», на самом деле представляло собой великолепные декорации тифлисских домов, балконов, духанов, лавок цветочников, бакалейщиков, галантерейщиков, мануфактурщиков. Изящ-

ные картонные фигуры княгинь в «чихтикопи», статных мужчин в чохах, состоятельных купцов в разноцветных одеяниях наводнили всю территорию Легвтахеви. Ущелье было украшено изумительными цветочными композициями и натюрмортами из фруктов, особый восторг гостей вызвали букеты цветов, плавающих на поверхности воды. Актеры, одетые в костюмы духанщиков, пекарей, знатных дам, гимназистов, с успехом исполняли роли своих персонажей, и у гостей складывалось впечатление, что они действительно находились в Тифлисе времен Нино Чавча-

вадзе, Григола Орбелиани и Николоза Бараташвили. На скалистом берегу речки был устроен пикник с самым настоящим застольем: на ковре лежали фрукты и овощи, в кувшинах налито вино, вокруг супры сидела молодежь, облаченная по последнему слову европейской моды середины XIX века. На другом берегу был устроен уголок Пиромани: на мольбертах лежали знаменитые картины Нико, посередине площадки сидела молодая женщина с красками и кисточками, а напротив нее стоял юноша в костюме кинто. Желающие вкусно поесть могли попробовать шашлыки, только что изготовленные горячие чурчхелы, татару, ассорти из различных сортов грузинского сыра и сухофруктов, хачапури, выпить фирменного вина ресторана «Горгасали», находящегося у самого входа в ущелье. Там же стояла деревянная давилня, «снабженная» несколькими парами резиновых сапог – для гостей, которые захотят лично давить виноград. Нужно сказать, что эта находка владельцев ресторана привлекла большое количество туристов. Одна пара даже поставила импровизированное представление, напоминающее известные кадры из итальянского фильма «Укрощение строптивого», когда герой Челентано да-

Тбилисоба-2011

Тбилисоба-2022

вит виноград в бочке. Молодая женщина резво надела боты, прыгнула в давящую и стала с азартом давить виноград. Она с удовольствием пританцовывала и говорила во всеуслышанье: «Делаю что хочу, наслаждаюсь жизнью!» А ее спутник изображал ревнивого мужа, который безуспешно старается усмирить свою взбалмошную жену.

Владелец саженцевого хозяйства декоративных растений «Гардения» Зура Шеварднадзе не обманул ожиданий своих почитателей, представив на улице Атонели настоящий земной рай. Праздничный «осенний сад» Зуры, как всегда, утопал в зелени, цветах. Перед взором зрителей предстал тифлисский рынок двухвековой давности с духанами, лавками зеленщиков, гончаров, торговцев коврами, цветами, фруктами. В огромных круглых мисках лежали гранаты, яблоки, груши, баклажаны, красный перец, цветная капуста, на сене были собраны декоративные композиции из желтых тыкв, грозди розового винограда красиво свисали со столов, по сцене свободно гуляли гуси, а маленький ослик смиренно пил воду из небольшого ведерка. Основой декораций, изображающих лавки и фигуры торговцев, послужили старые черно-белые

фотографии, которые увеличили до нужных размеров и прикрепили на картон. Артисты, переодетые в костюмы продавцов овощей, разыгрывали сцены из повседневной жизни городского базара, а дамы в изящных европейских платьях с корзинками в руках деловито прохаживались между рядами, выбирая желаемые овощи и цветы. Декорации на сцене были установлены таким образом, что любой человек мог встать рядом с бутафорией и сфотографироваться на память. «Два года назад, когда мы сделали наш «осенний сад», он был огорожен от публики барьерами, и посетители жаловались – какой, мол, смысл устраивать такое восхитительное зрелище, если мы не можем сделать фото? Поэтому в этот раз мы расположили декорации таким образом, чтобы все желающие смогли сняться рядом с тифлисским гончаром или продавцом ковров», - отметил Шеварднадзе, сообщив, что эти снимки, снятые профессиональными фотографами, будут размещены на специальной страничке, откуда можно будет скачать любое фото. И правда, желающих сфотографироваться было столько, что очередь регулировали представители городского муниципалитета.

Современный Тбилисоба отличается гораздо более дорогостоящими торжествами, чем это было в советские времена. В гастрономическом уголке на Рике теперь уже можно попробовать «европейские» сладости, приготовленные отечественными умельцами – мафины, вафельные трубочки с разнообразной начинкой, булочки с корицей, помимо этого, любители фастфуда радуют себя сэндвичами с сосисками и пивом «ручной работы». Абанотубани на два дня превращается в выставку изделий народного промысла представителей диаспор, проживающих в Грузии. Однако, самым любимым для меня перформансом всегда был и остается концерт фольклорных коллективов, одетых в национальные костюмы. Это настоящий клад для фотографа, желающего сделать яркие кадры динамичных танцев, выразительные портреты танцоров, готовящихся выйти на сцену. Такого обилия разноцветных костюмов невозможно увидеть ни на одном другом празднике. Сюжетов для съемки более чем достаточно, и каждый раз, наводя камеру на объект, я задаю себе вопрос: «А как бы это снял папа?» Ответ знаю заранее – он бы снял лучше!

но: это двойственность Лермонтова.

«Тяжелый взор странно не согласовался с выражением детски-нежных и

выдававшихся губ», – вспоминает о нем И.С. Тургенев.

«В его улыбке было что-то детское», – пишет Лермонтов о Печорине, подразумевая под последним до некоторой степени себя...

«Лермонтов очень походил на свою мать», – сказал однажды Краевский.

Детское и женское в суровом и мужественном Лермонтове – это какое-то странное соединение...

Князя А.И. Васильчикова поражало в Лермонтове странное совмещение двух человек: «Один – добродушный для небольшого кружка близких своих друзей и для тех немногих лиц, к которым он имел особенное уважение, другой – заносчивый и задорный для всех прочих его знакомых».

«Хотя все от него отшатнулись, а между прочим, странное дело, какое-то непонятное настроение влекло к нему», – рассказывает университетский товарищ Лермонтова.

«Какая нежная душа была в нем!» – восклицает Белинский, а Тургенев пишет другое: «Недоброй силой веяло от него».

«Насмешливый, едкий, ловкий», – вспоминает о нем гр. Евд. Ростопчина; «у него был всегда злой ум и резкий язык», – пишет о нем К.В. Хвостова; а с другой стороны, тот же Лермонтов, задорный и заносчивый, обидев в Пятигорске жену какого-то мелкого чиновника, бежит к ней и извиняется перед ее мужем.

«В саду он то и дело ломал кусты и срывал самые лучшие цветы, усыпая ими дорожки, он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный им камень сбивал с ног бедную курицу», – пишет Лермонтов о детстве Саши Арбенина, подразумевая в последнем до некоторой степени себя, и в то же время тот же

МАСКА ЛЕРМОНТОВА

■ Григол РОБАКИДЗЕ

«Мы стали замечать, что в среде нашей аудитории, между всеми нами, один только человек как-то рельефно отличался от других. Он заставил нас обратить на себя особое внимание. Этот человек, казалось, сам никем не интересовался, избегал всякое сближение с товарищами, ни с кем не говорил, держал себя совершенно замкнуто и в стороне от нас, даже и садился он постоянно на одном месте, всегда отдельно, в углу аудитории, у окна; по обыкновению, подпершись локтем, он читал с напряженным, сосредоточенным вниманием, не слушая преподавание профессора. Даже шум, происходивший при перемене часов, не производил на него никакого впечатления. Он был небольшого роста, некрасиво сложен, смугл лицом, имел темные приглаженные на голове и висках волосы и пронзительные темно-карие (скорее, серые) глаза, большие глаза, презрительно глядевшие на все окружающее... Такое обособленное исключительное положение одного из нашей среды возбуждало толки... Каждому хотелось ближе узнать этого человека, снять маску, скрывающую затаенные его мысли, и заставить высказаться... «Вы пойдете, Вистенгоф, к Лермонтову и спросите его, какую это он читает книгу с таким постоянным напряженным вниманием; это предлог для разговора самый основательный», – сказал мне студент Краснов... Недолго думая, я отправился. «Позвольте

спросить вас, Лермонтов, какую это вы книгу читаете? Без сомнения, очень интересную, судя по тому, как вы углубились в нее. Нельзя ли ею поделиться и с нами?» – обратился я к нему, не без некоторого волнения, подойдя к его одинокой скамейке... Он мгновенно оторвался от чтения. Как удар молнии, сверкнули его глаза, трудно было выдержать этот пронизывающий, неприветливый взгляд... «Содержание этой книги вас нисколько не может интересовать, потому что вы не поймете тут ничего, если я даже сообщу содержание ее», – ответил он мне резко, приняв прежнюю позу и продолжая опять читать. Как бы ужаленный, бросился я от него...»

Так рассказывает о Лермонтове его университетский товарищ Вистенгоф. И всякий раз, как кто-нибудь подходил к Лермонтову с целью разгадать его вечную тайну, мне невольно вспоминается этот Вистенгоф с его тщетной попыткой сорвать маску с загадочного лица. В продолжение многих десятков лет мы видим Лермонтова, одинокого и гордого, погруженным в чтение книги судеб, – и каждый раз, как мы пытаемся заговорить с ним на занимающую его тему, он, высокомерный и презрительный, дает нам все один и тот же ответ: все равно не поймете. И перед нами все та же маска, заносчивая и непроницаемая, что скрывает, или по крайней мере, должна скрывать подлинное лицо...

Впрочем, одно всем извест-

Лермонтов в детстве, по словам Висковатова, напускался на бабушку, когда она бранила крепостных, выходил из себя, когда кого-нибудь вели наказывать, и бросался на отдававших приказание с палкой, с ножом – что под руку попало.

Лермонтов, разъедаемый ядом демонского сладострастия, не щадил своих жертв, мучил их, издевался над ними и в то же время ласкает он дочь любимой женщины (Варвары Лопухиной), вышедшей замуж за другого, горько плачет и пишет изумительно нежное стихотворение «К ребенку».

И так всюду: маска раздвоения, а «лица» не видно...

Двойственность Лермонтова поражала всех. Белинский думал объяснить эту двойственность явлением «рефлексии» и, посвящая целый трактат последней, совершенно не подозревал, что раздвоение Лермонтова не психологического порядка. Скабичевский старается объяснить противоречия Лермонтова многогранностью гения, не думая во все, что в натуре гения мыслимо не только противоречивая сложность, но и сложность гармоничная. Ближе других подошел к «маске» Лермонтова Вл. Соловьев и еще ближе Дм. Мережковский, но они только подошли, не разглядев «лица» его до самого конца.

Разгадка Лермонтова, по мысли Вл. Соловьева, лежит в его демонизме: демонизм – это превратное сверхчеловечество: «Кто не может подняться и не хочет смириться, тот сам себя обрекает на неизбежную гибель». Вспоминая детские жестокости Лермонтова, Соловьев продолжает: «Взрослый Лермонтов совершенно так же вел себя относительно человеческого существования, особенно женского. И это демоническое сладострастие не покидало его до горького конца. Но с годами демон кровожадности слабеет, уступая большую часть своей силы своему брату, демону нечистоты». В то время, как муза Пушкина, по сравнению Соловьева, – ласточка, которая,

пролетая над грязной лужей, не задевает ее крылом и «щебечет что-то невинное», муза Лермонтова, по словам того же автора, – это «лягушка, прочно засевшая в тине». Но это еще не все: к демону жестокости и к демону нечистоты присоединяется демон гордости, самый страшный из них. Обуреваемый тремя демонами, Лермонтов погиб. «Осталось от него несколько истинных жемчужин поэзии, затерянных в навозной куче «свинства» в обурявшей соли демонизма, данной на поприще людям, по слову Евангелия; могут и должны люди попирать эту обуряющую соль с презрением и враждой, конечно, не к погибшему гению, а к погубившему его началу человекоубийственной лжи...»

Приговор бесспорно смертный... Кажется, Вл. Соловьев среди русских писателей единственный выдержал «тяжелый взгляд» Лермонтова и бесстрашно бросил ему прямо в лицо страшное слово – «демон». Но от неумолимой жестокости и выдержанного бесстрашия русского философа истина выиграла очень мало; завеса была содрана только наполовину и «лицо» Лермонтова успело спрятаться под его куском. На путь Соловьева вступил Дм. Мережковский, но путь этот он согрел любовью к «человеку».

Мережковский начинает с восточной мистики: существует древняя, вероятно, гностического происхождения, легенда, упоминаемая Данте в «Божественной комедии», об отношении земного мира к небесной войне.

«Ангелам, сделавшим окончательный выбор между двумя сторонами, не надо рождаться, потому что время не может изменить их вечного решения; но колеблющихся, нерешительных между светом и тьмой, благость Божья посылает в мир, чтоб могли они сделать во времени выбор, не сделанный в вечности. Эти ангелы – души людей рождающихся. Та же благость Божья скрывает от них прошлую вечность, для того, чтобы колебание воли в вечности не предрешало того уклона

во времени, от которого зависит спасение или гибель их в вечности будущей...»

Таков, по Мережковскому, общий закон мистического опыта. Но бывают исключения, хотя и очень редко. Таким исключением и был Лермонтов: пред ним как раз не была скрыта тайна предмирная и, следовательно, открыто было колебание его воли в вечности, до рождения. И вот Мережковский приходит к такому выводу: «Самое тяжелое, самое «роковое» в судьбе Лермонтова – не окончательное торжество зла над добром, как думает Вл. Соловьев, а бесконечное раздвоение, колебание воли, смешение добра и зла, света и тьмы... Это и есть предмирное состояние человеческих душ, тех нерешительных ангелов, которые в борьбе Бога с дьяволом не примкнули ни к той, ни к другой стороне. Для того, чтобы преодолеть ложь раздвоения, надо смотреть не назад, в прошлую вечность, где борьба эта началась, а вперед, в будущую, где она окончится с участием нашей собственной воли. Лермонтов слишком ясно видел прошлую и недостаточно ясно будущую вечность: вот почему так трудно, почти невозможно ему было преодолеть ложь раздвоения.

Такова основная идея Мережковского. При помощи этой идеи он удачно раскрывает жизнь и творчество Лермонтова и не дает гибнуть окончательно душе поэта, но идея эта говорит много лишь художественной интуиции мистически настроенного разума и в общем представляет собой только подход к разгадке тайны Лермонтова. И перед нами все тот же страшный вопрос: «лицо» или «маска»?

Я утверждаю без всякого колебания, что тайна Лермонтова скрыта в «маске» Лермонтова и потому, чтобы разгадать эту тайну, необходимо узнать не то, что скрывается под маской, а главным образом то, что собой представляет сама «маска». Но прежде чем подойти к «маске» Лермонтова, не лишне набросать общефилософский эскиз «маски».

Два таинственных явления

округляют нашу жизнь: рождение и смерть; рождение загадочно, потому что не дает нам знать – «откуда»; смерть страшна, потому что не может узнать «куда»: призрачные тени из ночи в ночь, а день серый и тоскливый. Среди вечных странствий таинственных теней мы чувствуем только, что-то образуется, формируется, воплощается; это «нечто» – индивидуальность, «лицо», единственное и неповторяемое. В мучительных родах вечного воплощения мы ясно разграничиваем два феномена: то, что воплощается, и то, в чем оно воплощается; первый феномен – изначальная «монада»; второй – эмпирическая «плоть», первый – вечное «лицо», второй – историческая «личность». Но процесс мирового воплощения не окончен, история не окончена, и завершения все еще нет: изначальная «монада» в борьбе и мучениях формирует свою эмпирическую «плоть». Об этом ежеминутно свидетельствует наше психологическое «Я»: мы знаем наше повседневное «лицо», но мы им недовольны: мы вечно стремимся преодолеть себя, стать другим, лучшим и совершенным. То, что есть, и то, что должно быть, то, что есть в нас, и то, чем бы хотелось нам стать, вот два феномена вселенского сознания...

И тут открывается феномен «маски». Прежде всего, человек боится открыть себя до конца. И, действительно, стоит только представить хотя бы на один миг, что мир целиком стал прозрачным, и мы вдруг открылись друг другу, как ужас от наших нечистот заставит нас или перевешаться всем, или всем сойти с ума со «смехом ужаса» на искривленных губах. Обнаженные могут шествовать только боги, мы же не завершены и, следовательно, не совершенны, а потому приходится странствовать под маской. Это первый смысл маски: сокрытие под чужой личиной действительного лица.

Но есть и другой смысл маски. Мы не только скрываем себя (маска повседневности), но мы и преодолеваем себя (маска мифологическая): в первом случае, скрываясь под личиной «друго-

го», мы желаем остаться «тем же самым», во втором случае, принимая образ «другого», мы хотим стать «другим». Тут надевший маску отождествляет себя с тем, чей образ он принимает, вспомним, что служители Диониса вступают с ним в общение не иначе, как в личинах. В этом смысле маска – «культовое означенное закона превращения», «метаморфоза» и «полигенез» (Вяч. Иванов).

Таков процесс мирового воплощения – он же трагедия наша. Поистине «лица» наши – случайная маска нашей индивидуальности и каждый из нас – призрак ищущий своего оригинала. Отсюда – та «ложь раздвоения», о которой повествует нам история человека...

Изначальная «монада» и эмпирическая «плоть» – вот где раздвоение. Но как бы велико ни было раздвоение, в истории все же между ними наблюдается некоторое совпадение: «монада хочет» лучшей «плоти», но все же из той же «плоти». Конечно, метафизическая личность Гете далеко не завершена, но она до некоторой степени все же воплощена в его исторической личности; отсюда его цельность, гармоничность, солнечность: пластическая душа. И в истории, в общем, наблюдается то же самое: временное примирение двух, еще не сросшихся начал. Но бывают и исключения, когда раздвоение между метафизической личностью и личностью исторической до того остро и глубоко, что они кажутся и впрямь отрицающими друг друга. Тогда трагедия их носителя превращается в ужас. Он недоволен высшими силами: отсюда – вечный бунт; он не чувствует мировой связи: отсюда – вечный разлад; он не находит себя: отсюда вечная маска. Он одинок и горд, он силен и жесток, крыльями хаоса готов охватить сын хаоса весь мир, чтобы вместе с ним полететь в гибельную пропасть. А там, вдали, на высотах «белого безмолвия», где царит его непокорный дух, раздаются иногда глубокие вздохи мировой тоски. И если миллион людей скажет:

лучше стать «другим», он один заявит вызывающе: лучше родиться «другим».

Маска Лермонтова и есть трагическая форма этого последнего разлада. «В натуре Лермонтова было что-то зловещее и трагическое, – вспоминает И.С. Тургенев, – какой-то сумрачной и недоброй силой веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз». Да, неподвижно-темных глаз! Не есть ли это изначальная душа Лермонтова, случайно воплотившаяся в исторической его личности, изначальная душа, которая из каких-то дальних миров смотрит на вас загадочно и грозно! Теперь нам понятен «тяжелый» взор Лермонтова, которого не мож выдержать никто. А его смех? А его разговор? «Разговор его похож на то, как будто кто-нибудь скребет по стеклу», – говорили о нем. Не «он» смеется, а «кто-то» в нем; не «он» говорит, а «кто-то» через него. Кажется иногда, что и внешность его была маской его души...

Обратите внимание на его стихотворение «По небу полуночи ангел летел». Сколько красоты и какая глубина! Тот процесс воплощения, который является конечным моментом трагической маски Лермонтова, здесь, в этом религиозном стихотворении, становится прозрачным, осязаемым. Лермонтов как будто сам созерцал воплощение вечной души во временное тело, ибо он, трагическая ошибка этого воплощения, стоял как бы в стороне от него. Отсюда – его необычайное чувство вечности всего того, что связано с вечностью. Его историческая личность не стала «плотью» его вечной «монады», и потому Лермонтов не вошел, так сказать, в органический рост истории (вспомним, что он и как поэт стоит совершенно одиноко в русской литературе): он остался как бы вне истории и, неподвижно стоящий на ее краю, чувствует он только вечность: «Я счет своих лет потерял», – говорит он на пятнадцатом году своей жизни. Пятнадцатилетний мальчик, который до того стар, что даже счет своих лет потерял, – не есть ли это «лицо» из вечности, случайно попавшее на нашу планету.

И еще: сам находясь вне сменяемых исторических явлений, перед взором Лермонтова ширится только ясное зеркало вечности, – и понятно, конечно, что он не может ничего забыть. «О, когда бы мог забыть, что незабвенно!» – восклицает пятнадцатилетний мальчик. «Я ничего не забываю, ничего», – говорил Печорин-Лермонтов. «Забвенья не дал Бог», – жалуется он устами Демона. И так – всюду: только вечность – капли истории.

Мы вплотную подошли к маске Лермонтова. Изначальная душа Лермонтова не нашла своей исторической «плоти». Частичным выражением этого страшного разлада является, между прочим, и тот достоверный факт, что Лермонтов стыдился своей внешности.

В силу этого, по меткому выражению Вл. Соловьева, «Лермонтов говорит о Высшей воле с какою-то личной обидою». Да, он обижен кем-то и титанически восстает против него, создал же он своего страшного прототипа Демона. Он – весь разлад и всюду вносит разлад: индивидуальная его воля ни на один миг не сливалась с волей соборной гармонически. Он крыло стихии, опьяненное шумом хаоса, и в разрушении удовлетворяет свое «жестокое сладострастие».

Эта сторона лермонтовской стихии с особенной силой сказывалась в безличной сфере пола. Вот что пишет Е.А. Хвостова: «Он поработил меня совершенно. Мне стало страшно за себя. Я как будто чувствовала бездну под своими ногами. Он уговаривал меня на побег и тайный брак». Когда Лермонтов убедился, что та идет на все, он в ту же минуту шлет ей анонимное письмо о себе: «Поверьте, он недостоин вас, для него нет ничего святого, и никого не любит...». Но она не могла его разлюбить: «Я готова была стать перед ним на колени, лишь бы он ласково взглянул на меня...» Они встречались на балах... «Ради Бога, скажите, за что вы сердитесь?» – «Я вас больше не люблю, да, кажется, и никогда не любил», – ответил Лермонтов...

Тут, в этих нескольких штрихах, обрисован весь Лермонтов. Ему не нужна любовь, та любовь, что по словам Данте «двигает солнцем и другими планетами»; нет: ему нужно исключительно порабощение объекта любви. Чувствуя «личную обиду» против Высших сил, он готов излить эту обиду в жестокой страсти. И далее: узнав, что «возлюбленная» уже порабощена, он мгновенно принимает меры «освободиться» от нее, пишет ей анонимное письмо, где он ругает себя... что это – тайна сфинкса или просто мерзость?

Маска Лермонтова разъясняет все...

Печорин говорит, что как бы страстно он ни любил женщину, но как скоро дает она ему почувствовать, что он должен на ней жениться, – прости любовь... Это не есть страх лишиться свободы: нет, это нечто другое: Печорин – Лермонтов, находясь вне связи времени, отрицает всякую «связь» – и один только намек на эту «связь» (брак, готовность на все) вызывает в нем физическое чувство отвращения. Он, раб слепой стихии и жестокого рока, повергает других в рабство, – в этом одна сторона маски Лермонтова; он бросает порабощенных на произвол судьбы, ибо сам брошен на такой произвол, – в этом другая сторона его маски.

Но анонимное письмо, но презрение к себе? И это находит объяснение в маске Лермонтова. Его «монада» не чувствует своей «плоти»: он не «он», а как бы третье лицо, и потому он к «нему» беспощаден; ему все равно: попирает, ругает, презирает. На губах его играет не только злая усмешка на мир, но и легкая ирония к себе – ибо он не «тот», а «другой». И тут ложь раздвоения достигает своего предела.

Лермонтов бросился в мир, но очутился вне истории мира, и потому его эмпирическая личность явилась как бы законченной вне роста истории. Сам же он, глядя неподвижным взором в зеркало вечности, созерцает заранее судьбу своей исторической личности. Отсюда – его

пророческий дар ясновидения, отсюда его вера в фатум. Вспомним его юношеские стихи: сколько раз чувствовал он свой конец: «На месте казни – гордый, хоть презренный – я кончу жизнь мою»; «Я предузнал мой жребий, мой конец... кровавая меня могила ждет»; «Я знал, что голова, любимая тобой, с твоей груди на плаху перейдет»; и наконец, предсмертное виденье: «Глубокая еще дымилась рана, по капле кровь сочилась моя...». Вера в предопределение, в фатализм – неразлучный элемент лермонтовской стихии (вспомним хотя бы главу о фатализме из «Героя нашего времени»). Отсюда известное всем бесстрашие Лермонтова: «Никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице его перед дулом пистолета, уже направленного на него», – рассказывает секунданта Лермонтова кн. Васильчиков о последних его минутах.

«Я как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа слилась с бурями и битвами и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там, на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-помалу отделяющийся от пены валунов и ровным бегом приближающийся к пустынной пристани...»

Так пишет о себе Печорин-Лермонтов. И действительно, душа его слилась с бурями и битвами, и ждет он, вечно одинокий, на берегу желанного паруса. «Лица» его не видно, а «маска» его страшна, и бежит от него всякий, «как бы ужаленный». Но кто знает: переживший бури и битвы, быть может, поймет его «маску» и узрит его «лицо». И тогда страшная «маска» превратится в лучезарный лик, а «тяжелый взгляд» – в ясную лазурь небес...

КНИГА О ДИДУБИЙСКОМ ПАНТЕОНЕ

Кети ПЕРАДЗЕ

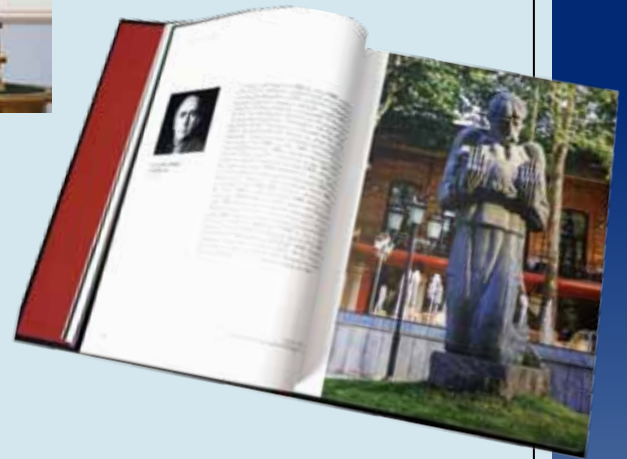
В большом актовом зале Министерства культуры и спорта Грузии собрался весь цвет интеллигенции страны – литераторы, художники, дипломаты, историки. На самом видном месте стоял мольберт с великолепным изданным альбомом – книгой известного писателя и поэта, лауреата Государственной премии Грузии, почетного гражданина Тбилиси Бадри Кутателадзе «Дидубийский пантеон». Это поистине энциклопедический труд об истории знаменитого мемориального кладбища, а также о жизни великих сынов Грузии, там похороненных.

Издание – настоящий подарок для любителей культуры. Помимо того, что оно оформлено красочными иллюстрациями, книга содержит и богатый справочный материал. «Мы приняли решение привести в книге образцы творческого наследия грузинских поэтов, прозаиков, художников, скульпторов, могилы которых находятся в пантеоне: одно стихотворение поэта, одну картину художника, одно изваяние скульптора, небольшие отрывки из лучших прозаических произведений писателей», – отметил Б. Кутателадзе. Он уже не один год является директором Пантеона, был лично знаком со многими людьми, погребенными

здесь. В одной из телепередач Первого канала батони Бадри отметил, что слово «пантеон» обозначает место упокоения богов. Нация счастлива, если имеет таких сынов, которые заслуживают быть погребенными в Пантеоне. «Мы – маленькая страна, но у нас очень много выдающихся личностей. Пантеон – не только место увековечения памяти известных людей, но и хороший пример для будущих поколений: как нужно служить родине, чтобы после смерти соотечественники оказали человеку честь, похоронив в подобном почетном месте». Министр культуры и спорта Теа Цулукиани поблагодарила Б. Кутателадзе за большой объем работы, проделанной с целью создания такого замечательного сборника. «Мы гордимся тем, что эта книга издана при поддержке нашего ведомства», – подчеркнула Т. Цулукиани.

На сегодняшний день Пантеон уже закрыт и может считаться музеем. По словам Б. Кутателадзе, культура содержания пантеонов стоит на очень высоком уровне в соседних с Грузией странах – Азербайджане, Армении, России, не говоря о Европе и Америке. Пантеоны имеют большое значение с точки зрения развития туризма, и если в Тбилиси будут созданы специальные экскурси-

онные маршруты, то в них обязательно нужно внести посещение Мтацминдского и Дидубийского пантеонов, чтобы иностранные гости воочию увидели и поняли, в какую страну приехали. Дидубийский пантеон – первый в Грузии, он был официально основан в 1915 году (напомним, Пантеон Мтацминда был открыт в 1929 году). Инициатором его создания стало Общество

по распространению грамотности. Сегодня на кладбище покоятся 970 человек. Последний, кто нашел здесь свое упокоение, – великий композитор Гия Канчели. «Поскольку новых могил в этом некрополе больше не будет, нужно было написать данную книгу, как итоговый труд, повествующий об истории Дидубийского пантеона», – отметил Бадри Кутателадзе.

Друзья и коллеги писателя, принявшие участие в мероприятии, не жалели комплиментов в адрес автора. По словам члена парламента, врача Ладо Кахадзе, эта книга – бесценный труд, оставленный потомкам как духовная пища, связь с богатейшей историей Грузии. Академик, член редакционной коллегии книги Валерий Асатиани отметил, что издание – своеобразный памятник достойным сынам отечества. В ней можно ознакомиться с такой информацией, которая зачастую бывает недоступна широкому кругу читателей.

Альбом «Дидубийский пантеон» выпущен издательством «Сезан Пабблишинг» весьма ограниченным тиражом (всего 500 экземпляров) и предназначен как для исследователей, изучающих историю Грузии, так и для большой читательской аудитории.

ПОДАРОК БОГА

■ Николай СВЕНТИЦКИЙ

Уверен, когда Господь раздавал таланты, то она либо становилась в эту очередь несколько раз, либо великий даритель был особенно щедр и осыпал ее несколькими дарами сразу. Магнетическая красота, сумасшедшее обаяние, яркое актерское дарование, королевское величие, исключительная демократичность, бескорыстная доброта, а еще – талант быть другом. Верным, надежным, внимательным. Лучшим другом.

Людмила Духовная, Николай Свентицкий и Фатима Ибрагимбекова

Это все о ней, Людмиле Духовной, Народной артистке Азербайджана, примадонне Азербайджанского государственного академического русского драматического театра имени Самеда Вургуня, лауреате театральной премии «Золотой Дервиш», лауреате премии «Нумау», лауреате Российской Национальной актерской премии имени Андрея Миронова «Фигаро», кавалере Ордена «Шохрат» («Слава»).

Гость послан Богом, гласит грузинская поговорка. А я скажу – друг послан Богом.

Знаете, если бы мне повезло в жизни только в одном – подружиться с Милой Духовной, то, уверяю вас, я считал бы, что уже получил свой главный подарок от Бога и не зря прожил жизнь.

Мы познакомились давно, в Тбилиси, на гастролях театра имени Самеда Вургуня. Публика принимала бакинцев замечательно – и спектакли были хороши, и актеры. Но я просто не мог не обратить внимания на Милу – фантастически красивую женщину и блистательную актрису. Мы подружались. И я почти сразу же начал получать от Милы уроки дружбы. Разумеется, она и не думала меня учить – просто дружила. Заботиться, радовать, удивлять, помогать – вот что для нее дружба. Я стараюсь дружить так же.

Могу сказать, что Мила заново открыла для меня Баку. Конечно, я всегда любил этот город. Да и как его можно не любить! Но Мила стала для меня

символом Баку – того Баку, который я любил и продолжаю любить.

Я знаю, что она обожает свой родной город. Ее не раз приглашали в самые престижные труппы самых знаменитых театров зарубежья. Но она – бакиннка до глубины сердца. Какое счастье, что город отвечает ей взаимностью и воздает по достоинству.

Слава Богу, она полюбила Грузию и часто сюда приезжает. Слава Богу, она передала эту любовь своей дочери Фатиме. Фантастической дочери фантастических родителей – Людмилы Духовной и Рустама Ибрагимбекова. Фатима, можно сказать, росла на моих глазах, и я счастлив видеть, что из прекрасной девочки вырос прекрасный во всех отношениях человек.

С огромной радостью поздравляю Людмилу Духовную с юбилеем!

Свидетельствую – к моим поздравлениям присоединяются все грибоедовцы, ее верные почитатели и поклонники.

**Многая и благая лета!
И да сбудутся наши мечты встречаться еще много-много раз – и в Баку, и в Тбилиси!**

P.S.
Как сказано у классика:
«Над ней не властны годы.
Не прискучит
ее разнообразие вовек».
Лучше Шекспира я сказать не могу.

ИСКУССТВО ВСЕГДА ПРОРЫВАЕТСЯ!

Инна БЕЗИРГАНОВА

В сентябре прошел цифровой фестиваль «Мир русского театра», организованный некоммерческим фондом «Мир Театрала» и журналом «Театрал». В нем, как всегда, приняли участие русскоязычные спектакли, созданные в разных странах мира. В этом году география фестиваля расширилась, охватив огромное пространство от Казахстана до США. В рамках смотра состоялся специальный показ фильма-спектакля «Несоженные письма» по пьесе Вадима Массальского «Эйнштейн и Маргарита» (США). Адаптацию текста, подбор хроники, съемку, монтаж осуществил режиссер-постановщик, продюсер Шамиль Наджафзаде. Эйнштейна сыграл народный артист Грузии Борис Казинец, Маргариту Коненкову – Зулейха Наджафзаде.

История любви жены знаменитого скульптора и великого немецкого физика вдохновила не только Вадима Массальского, но и Александра Гельмана, тоже написавшего пьесу на основе сохранившейся переписки Альберта Эйнштейна и Маргариты Коненковой. В спектакле режиссера Александра Марина, поставленном по пьесе Гельмана, героев сыграли российские звезды Алексей Серебряков и Ксения Раппопорт. Получилась яркая постановка, одобренная юмором, со стильными мизансценами, зажигательными танцами и страстями, что, разумеется, нисколько не нивелировало главную тему: опасность ядерной войны, нависшая над человечеством. По сравнению со спектаклем А. Марина камерная работа Шамиля Наджафзаде, возможно, получилась не столь эффектной, ведь она подчинена законам цифрового театра. Актеры «Несоженных писем» ограничены в физических действиях, что не мешает им раскрываться «крупным планом», быть психологически точными и достоверными. Борис Казинец тонок, ироничен и немного печален в образе Эйнштейна, его партнерша Зулейха Наджафзаде обаятельна в роли Маргариты. Границы возможностей цифрового театра преодолеваются во многом благодаря активному использованию документального материала – исторических кинокадров, фотографий, выразительному, «говорящему» фону спектакля, прекрасной музыке. И, конечно, игре актеров, что отметили в своих отзывах зрители:

«Спасибо дорогому БМ и его прекрасной «Маргарите» за чудесное посвящение в таинство истинных чувств, красоты и кусочек нашей истории. Глубоко откликается в сердце и успокаивает...так важно в настоящее время... Пусть ваш талант еще и еще согревает души! Отличная режиссерская работа для такого формата, спасибо!»

«С большим удовольствием посмотрел фильм и очень рад, что Борис Казинец остается прекрасным актером, способным любой материал сделать понятным и желанным зрителю и слушателю!»

О цифровом театре и о многом другом корреспондент «РК» побеседовала с народным арти-

стом Грузии Борисом Михайловичем Казинцом, отметившим в октябре 94-й (!) день рождения.

– Борис Михайлович, пандемия коронавируса отразилась на сфере зрелищ: люди не имели возможности приходить в театры, на концерты, и артистам, режиссерам пришлось искать новые способы общения со зрительской аудиторией. Появились новые формы – такие, как цифровой театр. Вы активно работаете в этом жанре. Но не кажется ли вам, что зомб, помогающий объединять творцов и зрителей, все-таки в чем-то неестественная форма диалога как актеров с актерами, так и актеров со зрителями, что живой контакт невозможно заменить техническими приспособлениями?

– Конечно! Ведь что такое спектакль? Это мизансцены. Очень важна пластическая сторона. Но для цифрового театра мы подбираем пьесы, где интонационный ход важнее, чем физические действия. Потому что мы, актеры, сидим каждый у себя дома, перед компьютером. Так появился спектакль «И влюблюсь... до ноября» – о нафантазированной поэтической дуэли Лермонтова и Пушкина. Я придумал такой сценарий: взял «Тамбовскую казначейшу» Лермонтова и «Графа Нулина» Пушкина. И устроил своего рода поединок между двумя поэтами. Вот они сидят, выпива-

ют, и каждый из них – и Пушкин, и Лермонтов – свои четверостишия зачитывают. Получился очень красочный диалог между двумя великими людьми. История должна была быть разыграна на сцене. Но когда все закрылось из-за пандемии, родилась цифровая версия, которая, как мне кажется, получилась интереснее, чем если бы спектакль был исполнен на сцене. Потому что волшебный сундучок, откуда я вытаскивал по ходу действия великолепные рисунки Пушкина, Лермонтова, иллюстрации к их произведениям известных художников, придал спектаклю особую прелесть. Общение со зрителями возникло чудесное. «И влюблюсь... до ноября» – один из самых дорогих мне спектаклей.

Формы театра могут быть самыми разными. После Великой Отечественной войны большой популярностью пользовался Театр у микрофона. В нем играли великие актеры – Борис Ливанов, Анастасия Зуева, Павел Массальский... Это были грандиозные спектакли, которые люди не видели, но слышали. Рождалось настоящее чудо! Наши онлайн-спектакли – детище главного редактора журнала «Чайка», писателя, драматурга, критика и публициста Ирины Чайковской.

Когда идет работа над очередным проектом, мы регулярно собираемся у экрана – три-пять человек, в зависимости от коли-

чества действующих лиц, и репетируем. Потом редактором и супругом Чайковской Алексом Мариным подбираются музыка, фон. В моноспектакле о Пушкине я был на фоне русской природы, и картинка не менялась, а уже в следующей работе появились элементы декорации. Компьютерные технологии позволяют это делать. Мой моноспектакль «Капля меда» – это уже был просто фильм, сделанный по гениальной сказке армянского классика Ованеса Туманяна. Она оказалась в чем-то пророческой, потому что точно отражает нынешнее политическое положение! «Капля меда» – притча о том, как всего лишь из-за одной капли меда может разгореться кровопролитная война. Эту работу мы посвятили выдающемуся грузинскому актеру Серго Закариадзе.

– В соло вы работаете автономно. А когда в спектакле занято несколько актеров и непосредственного контакта между вами не существует, это не мешает творческому процессу?

– Все равно нам удается добиться нужного результата. Последняя такая работа – «Полинетта» по рассказу Ирины Чайковской о внебрачной дочери Ивана Тургенева. Писатель увидел восьмилетнюю девочку среди двора своей матери и отправил в Париж, в семью обожавшей им Полины Виардо. Моя партнерша в спектакле – замечательная актриса Анна Варпаховская. Если хватит сил, придумаем что-то еще. Нас соединяет зомб. Эта форма сотворчества устраивает и Аню Варпаховскую, живущую в Монреале. Мы дважды встретились с ней в работе. Кроме «Полинетты», в спектакле по пьесе Ирины Чайковской «Звездные мальчики». В ней идет речь о возможной катастрофе в жизни человечества и каждого отдельного человека – ядерной войне. Кстати, у тех, кто смотрит наши онлайн-спектакли, создается полное впечатление, что мы с Анной Варпаховской где-то рядом друг с другом. Идут наплывы, переходы. Саша Марин делает телевизионные фокусы, создающие иллюзию, что актеры находятся в одном пространстве.

– Иллюзия для нас, зрителей, а для вас?

– Ничего не поделаешь – мы это преодолеваем, делаем вид,

«Милый друг»

С Георгием Товстоноговым и Анатолием Левиным

будто находимся рядом. Но и результат налицо! После каждого спектакля – большое количество просмотров! На экране компьютера – те, кто смотрят и как бы присутствуют в виртуальном зале. И мы видим, кто наши зрители – знакомые и незнакомые. Причем они из разных штатов Америки, а не только из предместья Вашингтона. А потом проходит обсуждение, что тоже очень захватывает. Та эмиграция, которая смотрит наши зоом-спектакли, – это в основном представители старшего поколения. Среди них искусствоведы, журналисты, политические обозреватели. Словом, люди интересные. Обсуждение после спектакля – как бы его продолжение. Режиссеру, актерам задают вопросы. Но не думаю, что наши зрители – молодежь. Им не до театра: молодые зарабатывают в США деньги, строят карьеру. Так что пандемия заставила людей театра ответить на обстоятельства таким образом – новым решением спектакля. Но как только зрителям разрешили приходиться в зал, тут же появились обычные, офлайн-спектакли.

– *Например?*

– Художественный руководитель и режиссер театра «Удачная компания» (город Балтимор), одессит Максим Горохов поставил, по-моему, очень интересный спектакль – комедию с элементами фарса «Поезд Одесса-Мама» по пьесе одесских драматургов Александра Тарасуля, Евгения Хаита и Виктора Явника. Горохов доставил мне огромное удовольствие, пригласив в свою постановку. Он занял в ней великолепного скрипача из Карнеги-холл, блистательно исполняющего еврейские мелодии. Я в спектакле не пою, это монолог, который как бы вплетается в действие – мы

использовали слова известной песни Александра Розенбаума о старом портном. Поезд следует из Одессы во Львов. Главный герой спектакля Миша везет во Львов на продажу ювелирные изделия. Его мама оплатила двухместное купе, но ему пытаются подселить молодую красивую женщину – торговку. Поезд останавливается, и возникает некий наплыв: старый еврей – его играю я – выходит отдохнуть и произносит свой речитатив: «Я себе пою... А я себе крою... Было время – были силы». Я пытаюсь танцевать «семь-сорок» и, задыхаясь, падаю... «Но теперь не то! Время волосы скосило, вытерло мое пальто», – с горечью говорит мой персонаж.

В спектакле оказалась задействована и знаменитая Ольга Волкова, выступающая в образе слишком заботливой «еврейской мамы». Она все время руководит своим сыном. На сцене огромный телеэкран, и в нем все время мелькает лицо матери. Мама подсказывает сыну, как он должен себя вести в той или иной ситуации. Роль «еврейской мамы» была записана по скайпу. Горохов готовит сейчас продол-

жение, которое было заказано авторам пьесы. Мама умирает, а украинка и еврей, которые всю дорогу на поезде чуть ли не дрались, женятся. Но я был против продолжения, это все-таки не та тема. К слову, я отметил на одном из спектаклей «Одесса-Мама» 70-летие своей творческой деятельности. Были приглашены цыгане, спевшие мне величальную. Я получил в подарок огромное количество роз, ящик шампанского.

Хочу отметить еще один спектакль – булгаковскую «Зойкину квартиру». Поставила его бывшая актриса из Свердловска Ирина Рогозина в своем театре «Эксперимент» (Мэриленд, район Большого Вашингтона).

Вспоминаю знаменитый Театр имени Леонида Варпаховского в Монреале, носивший имя знаменитого режиссера. Это был талантливый коллектив, и мне повезло в нем работать. Мы гастролировали во многих городах Канады и США, жили в чудесных гостиницах. В спектаклях театра принимали участие такие известные актеры, как Эдуард Марцевич, Елена Соловей, Леонид Сатановский, Майя Менглет, Александр Дик, Светлана Аманова. Играли русскую и зарубежную классику. Среди авторов, чьи пьесы были поставлены театром, – Достоевский, Островский, Чехов...

– *Театру вы служили на протяжении многих лет и продолжаете служить сегодня. Прекрасно, что эта возможность существует для вас и в США.*

– Русские театры есть почти во всех штатах, где живут русские люди. Потому что русский человек, однажды заразившийся этим видом деятельности, впо-

Театр им. Леонида Варпаховского (Монреаль)

следствии не представляет себе жизни без театра. Кстати, у нас проводится фестиваль русскоязычных театров – он называется «Ваш выход» и обычно проходит в Геттисберге, Балтиморе, Колумбии. Есть у нас еще шухарной театр «Капустник». Они делают смешные пародии, мы с женой Светланой с удовольствием их смотрим, хоть вкус «Капустнику» иногда и изменяет. Хорошие русскоязычные театральные коллективы существуют в Нью-Йорке, к примеру, Степ-театр, созданный бывшим грибоедовцем Славой Степновым. Я играл главного редактора в его спектакле «Враги. История любви» по роману Исаака Башевиса-Зингера. На международном театральном фестивале «Соотечественники», который проходит в российском городе Саранске, Слава Степнов в 2018 году представил свою театральную фантазию «Спросите Иосифа», в которой причудливо переплелись сцены чеховской «Чайки» и эпизоды жизни поэта Иосифа Бродского. Так что грибоедовцы нигде не сдаются...

– Жизнь без театра немислима?

– Главное, чтобы были силы. Может, еще что-нибудь придумаем... Вот актриса из Санкт-Петербурга Цецилия Огородникова, ныне живущая в США, придумала – готовит поэтические вечера. Выпустила спектакль «Марина Цветаева. От любви к любви». Были полные залы. Пришли люди, по-настоящему любящие поэзию. Около трех десятилетий в вашингтонском пригороде Роквилл, штат Мэриленд проводится фестиваль «Цветаевский костер», он посвящается творчеству не только самой Марины Цветаевой, но и других выдающихся российских поэтов. Проходит неделя поэзии Серебряного века. На такие встречи приезжают даже детские коллективы. Читаем стихи у памятника Александру Сергеевичу Пушкину. Мэр города Москвы Юрий Лужков некогда подарил Вашингтону совершенно феноменальный памятник поэту. Он расположен в кампусе Университета Джорджа Вашингтона. Автор бронзовой статуи – русский скульптор Александр Бурганов. Памятник стал подарком Вашингтону от мэрии Москвы в рамках культурного обмена двух стран. Около пушкинской статуи

«Несоуженные письма»

мы по традиции встречаемся в день рождения поэта. Так что в США идет настоящая, насыщенная литературно-театральная жизнь. Что-то получается лучше, что-то – менее удачно. Но нить не теряется. К сожалению, молодым это неинтересно. Главное для них – накопить деньги, купить дом и хорошую машину. Зачем им Пушкин, Лермонтов, Цветаева, Пастернак? Но все равно искусство прорывается. В каждой семье обязательно находится человек, который тянется к прекрасному...

– Долгие годы вы возглавляете Театр русской классики. Какова его судьба?

– Театр русской классики существует номинально – последние годы я работаю в жанре моно. А до этого выпустил немало спектаклей – «Женитьбу Бальзамина» Островского, «Точку зрения» Шукшина, «Короля Лира» Шекспира... С успехом сыграл Эзопа в спектакле по пьесе «Лиса и виноград» Фигейредо. Сначала у нас был большой коллектив, в постановках были заняты и молодые ребята, и актеры старшего поколения. Возрастные актеры постепенно уходили... понятно куда, а молодые оканчивали вузы, приобретали профессии и покидали театр. Блистательно сыгравший Бальзамина артист стал позднее прекрасным оператором и снял мою «Каплю меда» по Ованесу Туманяну. Работая соло, я выпустил гоголевские «Мертвые души», «Милый друг» Ги де Мопассана, поэтический спектакль «Счастье, оно игриво» по мотивам «Повести о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исае и комиссаре Блох» Иосифа Уткина, произведений Мандельштама, Левицкого, Твардовского... «Мертвые души» и

«Счастье, оно игриво» я показал тбилисским зрителям. Мы отметили в Грузии мое 85-летие – а до этого я не был в Грузии целых семь лет. Помню прекрасный ресторан «Пиросмани». Все были веселы, здоровы. Я люблю Грузию. Четверть века проработал в Грибоедовском театре!

– В ноябре прошлого года вы вновь посетили Грузию...

– Одна из главных причин нашего с женой Светланой приезда в Тбилиси – посещение могил родителей. К тому же наша дочь Светлана живет в Грузии... Я часто вспоминаю Грибоедовский – лучшее на его сцене. Театр выпустил спектакль высочайшего класса «Закон вечности» по Нодару Думбадзе в постановке Гизо Жордания. Интересно поставил «Горе от ума» Леван Мирцхулава, предложивший прекрасное режиссерское решение, фантастические декорации создал сценограф Дмитрий Тавадзе. А если заглянуть в 60-е, то всплывает в памяти спектакль Александра Гинзбурга «Цезарь и Клеопатра», в котором моей партнершей была блистательная Ариадна Шенгелая...

– Что в творческих планах?

– С главным редактором журнала «Чайка» работаем над ее зумпьесой «Иосиф из Аримафеи». Читаю текст за художника, нарисовавшего Снятие с креста – известный эпизод Страстей Христовых, следующий за распятием и предшествующий оплакиванию Иисуса. Очень интересный сюжет. Покажем к Новому году. Грузию и США разделяют тысячи километров, и все-таки надеюсь отметить в Тбилиси свое 95-летие.

Тбилиси – Вашингтон

Семен Заславский

«ЗВЕЗДЫ ПАДАЛИ МНЕ НА РУКАВ...»

■ **Жанна ОВАНЕСОВА**

В тбилисской художественной галерее IArt Gallery прошел вечер памяти Сергея Параджанова, приуроченный к столетию со дня рождения кинорежиссера. И хотя дата рождения приходится на 9 января, юбилейный год продолжается, и продолжают встречи, выставки, просмотры фильмов и другие культурные события, связанные с именем «неподдельного художника и гения», как говорил о нем Юрий Рост. И не кончается осмысление феномена личности, гения, создавшего собственную Вселенную, в которой он – центр, озаривший своим светом все то, чего успел коснуться в искусстве. Вокруг его творчества еще долго будут расходиться круги, побеждая время, сохраняя в памяти многих образ ни на кого не похожего мастера.

Идея вечера принадлежала Александру Черняховскому. Коренной тбилисец, давно проживающий в Израиле, он, во время очередной поездки в Грузию в беседе с директором IArt Gallery Икой Бокучавой, убедил ее провести встречу с литераторами из Украины, что-

бы вспомнить творчество великого мастера в период его работы на киностудии имени А. Довженко в 1960-х годах. На несколько дней в столицу Грузии приехали поэт, переводчик Семен Заславский (г. Днепр), а также издатель Дмитрий Бураго (г. Киев). Представители украинской культуры говорили в этот вечер о творчестве Параджанова. Дмитрий Бураго отметил, что его родной город стал второй родиной для режиссера – именно на украинской земле Параджанов нашел свой неповторимый кинематографический язык и сумел подняться до «космической высоты» мастерства.

В этой статье я не берусь писать о гении Сергее Параджанове, армянине родом из Тбилиси, сумевшем создать в кино неповторимые шедевры, ставшие концентратом фольклора гуцульского, армянского, грузинского, азербайджанского этноса. О художнике-режиссере много написано и рассказано теми, кто знал его и имеет на это больше прав. А хотелось бы рассказать о том, кого немного знаю, имею счастье общаться лично и продолжаю общение

благодаря Интернету, несмотря на расстояния и границы нескольких государств. Речь о Семене Абрамовиче Заславском, родом из советского Днепропетровска, верном своему родному городу и сегодня. Человек должен рождаться и умирать в одном месте, считал Параджанов. Остается добавить: и жить тоже!

ВЕСЬ МИР – ПЕРЕВОД

В речи Семена Заславского нет случайных слов, в его литературных эссе живет дух поэзии, а стихи, как и переводы, полны музыки и философии, ориентированной на библейский сюжет.

Его литературная работа частично связана и с кино, он – автор нескольких киносценариев, написанных в свое время для киностудии «Киевнаучфильм». По ним были сняты фильмы «Мадонна Сидура», «Просто жить» (об Иване Сокульском), «След» (о чеченской войне), документальная картина о театральном режиссере Ю.П. Любимове и его постановке «Набукко» Д. Верди в театре «Штатсопер» в Германии в середине 1990-х.

С середины 1980-х Семен Заславский публиковался в журналах «Нева», «Новый мир», «Урал», «Литературная Грузия», «Коллегиум». В 1992 году вышел сборник его стихов, поэмы и переводов «Прощай, столетие». В 2017-м в Киеве в издательстве «Бураго» вышел корпус сонетов У. Шекспира в его переводе, переизданный в 2024 году.

У него широкая в географическом понимании и богатая на встречи и впечатления биография. Заславский окончил факультет славянских языков в ДГУ, работал сначала в Москве, в Институте этнографии, потом в Ленинграде, в Институте истории материальной культуры, побывал в составе археологических экспедиций в Каракалпакии, Туве, Грузии. Как он сам вспоминает, «в то время в основном жил в экспедициях. Они длились по полгода, начинались в начале апреля и заканчивались в конце ноября. И была возможность как-то существовать. Можно сказать, что я вел такую, маргинальную жизнь. Но

это будет не совсем точно. Потому что время этой жизни было наполнено беседами с учеными, востоковедами, научными работниками».

Средняя Азия оставила неизгладимый след в его памяти, который ему помогает сегодня поднимать и осмысливать многие культурологические темы в публикациях для сетевого журнала «Хан-Тенгри»:

И раскрывается цветок

В глубинах нежной Евразии.

И, не страдая косоглазием,

Глядит на Запад и Восток.

Жизнь в экспедициях, знакомство с местными людьми, изучение их обычаев и образа жизни также оказали влияние на его взгляды. «Для меня слова «дружба народов» вовсе не являются какой-то метафорой. Имперский дискурс способствовал познанию, сближению и дружбе народов. Он не был рассчитан на вражду и ненависть, и не было этих местечковых и страшных разборок, которые, к сожалению, запылали после того, как рухнул Советский Союз, потому что какая-то вертикаль существовала. Я понимаю, империя строилась силой оружия – но затем, выстроенная, она воспитывала и ориентировала своих граждан на сближение и понимание...»

А еще он работал в экспедиции недалеко от Тбилиси, во Мцхета. В Грузии он прожил прекрасные полтора года, побывал в легендарных, изумительных, по его словам, местах и именно в Грузии сформировался как переводчик. Размышляя о существе переводческой работы, Семен приходит к выводу что это – явление универсальное, оно касается всех сфер человеческой деятельности, а в области художественного перевода с текстом происходят переменны, связанные как с личностью переводчика, так и с метаморфозами оригинального текста в его современном переложении. «Мы все время переводим. Даже читая книгу, мы переводим ее на какой-то свой язык». Трудно не согласиться, что все поэты, художники переводят жизнь человеческую, каждый на свой лад, но все они пишут об одном и том же, имея в виду знакомые всем чувства, мысли

и повторяющиеся в целом сюжеты.

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

Семена Заславского многое связывает с Тбилиси. Первый дом, который он посетил в этом городе, был дом Эллы Маркман и ее мужа Петра Тубеншляка. Там особенно любили поэтов. Состоялось знакомство с поэтом Мерабом Метревели, философом и литературоведом Ревазом Тварадзе, редактором «Литературной Грузии» Гией Маргвелашвили... «Батони Гия, – читаю в воспоминаниях поэта из Красноярска Николая Еремина, – вел в журнале рубрику «Свидетельствует вещий знак»... и под этой рубрикой публиковал переводы известных грузинских поэтов и русских непризнанных поэтов, живших тогда, надо сказать, в обстановке жесткого цензурного гнета и идеологического контроля». В «Литературной Грузии» в то время публиковались стихи Булата Окуджавы, Беллы Ахмадулиной, Марины Кудимовой, Владимира Леонovichа, Станислава Лакобы. Батони Гия публиковал и мои стихи». Стихи Мераба Метревели на русском языке были напечатаны в пятом номере журнала в 1983 году как раз в переводе Семена Заславского.

Он вспоминает, что Тбилиси его приютил, здесь можно было легко найти ночлег у друзей. Тогда он проникся любовью к грузинской поэзии, перевел «Окроканы» Тициана Табидзе, цикл стихотворений из книги «Ветер мировую войну несущий» Галактиона Табидзе, «Фиалку» Важа Пшавела, стихотворения Ильи Чавчавадзе и – Николоза Бараташвили. На лучший перевод «Мерани», этого поэтического зашифрованного текста о метафизическом Пегасе, в 1968 году в Москве был даже проведен конкурс, в котором принимали участие известные поэты-переводчики, шестидесятники Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина... Среди судей-критиков был в том числе Реваз Тварадзе. Первое место не досталось никому. Позже, уже в Грузии, Семен попал в гости к уважаемому литератору, они много говорили о поэзии. Тварадзе высоко оценил перевод Семена, которому

Николоз Бараташвили

удалось почувствовать и «понять душу моего маленького народа», как говорил Реваз. Сам поэт считает свою работу переводом-метаморфозой.

Стихотворение «Мерани» Семен Абрамович подробно анализирует в эссе «Лазурь и розы». Почувствовав стремление Мерани, эту «деформацию и гибель поэтической материи», он находит глубокую взаимосвязь стихотворения с другим поэтическим шедевром Н. Бараташвили, «Синий цвет», и пишет об этом так: «Аполлоническая ясность «Синего цвета» умиряет дионисийскую ярость кентавра «Мерани», и он, потеряв свою массу и скорость, превращается в облако и погружается в летаргию домладенческой чистой лазури. Спор Микеланджело и Леонардо разрешается рафаэлевой линией «Синего цвета» божественного Николоза».

Сколько лет прошло, переводы давно им написаны, но не забыты. В разговорах о поэзии, особенно перед поездкой в Грузию, он вспоминает творения Бараташвили, представляя, что «Мерани» есть вызов «Екклезиаству» и поэзии Рембо. Он восхищен поэтом, его наследием: «Маленькая книжечка, но в ней такие тексты! Их можно ставить сразу за поэмой Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Произведения «Мерани» и «Синий

цвет» – это абсолютные, непревзойденные шедевры. И мне неважно, были ли у меня публикации или нет. Важно было музыку эту наполнить новыми смыслами. Вместе с ним (Бараташвили) я поверил в новую миссию человека и исторического процесса».

О ПАРАДЖАНОВЕ

После долгого перерыва – целых 36 лет – Семен Заславский вернулся в Тбилиси, чтобы поговорить о мастере, который появился на свет и жил в этом городе, рассказать о том, как Сергей Параджанов искал, нашел и впервые использовал неповторимый киноязык в своей первой подлинной картине «Тени забытых предков», снятой в украинских Карпатах на Гуцульщине и показанной впервые в 1964 году. Несмотря на 15-летний простой из-за гонений, устроенных на свободного художника всей системой советской цензуры, на фабрикуемые судебные дела и тюремные отсидки, в дальнейшем режиссер будет использовать этот уникальный язык при создании всех своих последующих шедевров.

В тот вечер в IArt Gallery собрались те, кто знал Параджанова: кто-то дружил с ним, кто-то работал, а кто-то был знаком с Сергеем Иосифовичем, как говорится, через одно рукопожатие. Это как раз о Семене. Сколько он выслушал историй, рассказанных ему одноклассницей Сергея Параджанова, Эллочкой. «Семен, ты обязательно

должен с ним познакомиться!» Но не случилось. Помимо Эллы Маркман, многие рассказывали Заславскому о режиссере. Среди них – Юрий Клименко из Днепропетровска, работавший оператором на картине Параджанова «Легенда о Сурамской крепости», его киевские друзья – целый город в городе!

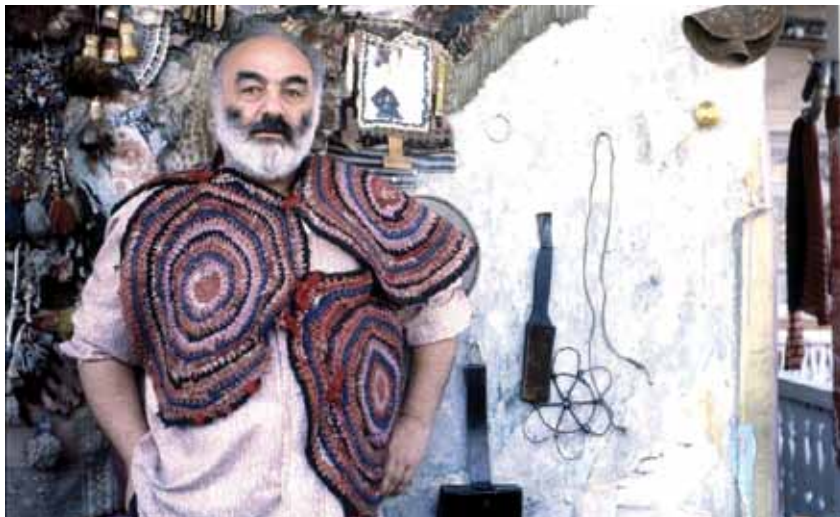
Казалось бы, так много статей написано, так много воспоминаний издано о феномене Параджанова, но в тот вечер Семену Заславскому удалось осветить под новым углом для кого-то очевидные, может быть, факты, поделиться своими догадками о том, как мыслит и работал Сергей в то далекое время. Говоря о Параджанове, Семен Абрамович вспоминает известный факт, что Довженко сначала не принял фильм, который Параджанов выпустил во ВГИКе, но потом все-таки оценил начинающего режиссера. Уже позднее Параджанов создал легенду о том, что он ученик Довженко. Как ни странно, но «в глубоком своем понимании Параджанов был все-таки прав. Язык кинопоэзии Довженко он безусловно продолжил, – считает Заславский. – Фильмом «Тени забытых предков» Сергей создал определенный культурный миф... Я хорошо помню одноименную повесть Михаила Коцюбинского, она в каком-то смысле закрыта для перевода. И на русском языке имеющийся перевод недостаточно хорош, потому что произведение живет внутри своей программы. Оно было написано писателем-на-

родником в конце его жизни. Он создал повесть, восходящую к глубоким человеческим архетипам, шекспировскую историю Ромео и Джульетты, только в ином месте и времени. И вот Параджанов делает перевод этой повести на язык кино. Это был величайший взрыв!»

Своим фильмом режиссер «взорвал» кинематограф Украины украинский кинематограф на небывалую до того высоту, считает Заславский. Он проводит парадоксальную параллель между творчеством Достоевского и миром Параджанова, цитируя диалог Ивана Федоровича с чертом из «Братьев Карамазовых»: «Что станется в пространстве с топором? Quelle idée! (фр. Какая идея!) Если куда попадет подальше, то примется, я думаю, летать вокруг Земли, сам не зная зачем, в виде спутника. Астрономы вычислят восхождение и захождение топора, Гатцук внесет в календарь, вот и все». Топор у Достоевского – действующий атрибут, который применяется в «Преступлении и наказании», именно он становится ключевым элементом и в фильме Параджанова. Находка, которую открыл наблюдательный художник, когда увидел, как в одном из сел местный гуцул топором делал обмеры умершего человека, чтобы смастерить гроб. «Это дало движение, и возникло удивительное кино», – говорит Семен. Этим фильмом Параджанов раскрыл изнутри, открыл всему миру малоизвестный в то время микрокосм, запряженный, застывший во времени и пространстве в горах юго-восточных Карпат.

Вот так, все раз прочитанное или услышанное от очевидцев Заславский вплетает в свой орнамент из воспоминаний, цитат, фактов. Когда его слушаешь, то легко вовлекаешься в путешествие его мысли, которая часто приводит к неожиданным выводам. Вот один из них: «Он лицедействовал, это был человек-театр. Сначала он играл в гениальность (всем говори – «я гений»), а уже когда начал снимать, действительно снял гениальные работы».

Для того, чтобы так понимать сущность художника, необходима особая интуиция, тон-

Сергей Параджанов

кая настройка на осмысление образов, рождаемых другим творцом. Чтобы писать свои литературные эссе, переводить поэзию с разных языков, Семен Заславский, подобно герою фильма «Цвет граната» поэту Саят Нова, с годами развил в себе уникальную способность к полифоническому восприятию национальных культур, которой обладал и Сергей Параджанов. В этой полифонии особое место отведено украинской культуре и литературе.

БОЛЬ УКРАИНЫ

Семен Заславский сегодня пишет свои поэтические эссе, собирая лучшую коллекцию из «человеческого алмазного фонда». Это – писатели прошлых веков и его современники, люди разных профессий, которых он встречал в жизни или только касался их творчества. Он высоко ценит наследие Шевченко, украинского классика. «Универсальность перевода я ощущаю еще и потому, что являюсь двуязычным писателем. Вернувшись в Днепропетровск, я вошел в редколлегию украинского журнала «Хроника-2000». Я писал стихи украинской мовой, перевел Шевченко на русский, а Мандельштама – на украинский. Знал замечательных украинских писателей и переводчиков – Дмитро Павлычко, Василя Мысика, и замечательных русских поэтов и переводчиков – Арсения Тарковского, Семена Липкина...»

Рассказывая, как в его жизнь «вошли Восток и восточная поэзия – псалмы Давида в переложении Ломоносова, Державина и Шевченко, «Подражание Корану» Пушкина – первые глубокие литературные впечатления о Востоке, вызванные отрывочным чтением этих стихов», Семен Заславский предполагает, что такие тексты являются переживанием совсем нам не чужой многовековой культуры Востока. В оригинальной поэзии Шевченко также присутствуют, на его взгляд, восточные мотивы:

Дивлюся – світає.
Край неба палає.
Соловейко в темнім гаї
Сонце зустрічає.
И Семен Абрамович пишет,

что благодарный украинскому поэту читатель «пожелает не только поселиться там, где поет такой соловей, но и не покидать вовек своего родного пристанища, каждый день встречать восход солнца здесь и смотреть, как «край неба палає».

С весны 2022 года Семену приходится жить на две страны – Украину и Испанию. Там – его семья, а дома – его библиотека, его личный архив. Сюда он периодически возвращается, когда совсем невозможно обойтись без личных записей и книг, необходимых в литературной работе.

В этом году он написал очередное эссе о поэте Дмитрие Кедрине, его земляке из Днепропетровска. В своем очерке он пишет о поэте, жившем в далеком 1920 году: «Дмитрию Кедрину было 13 лет, его поэтическая душа формировалась в условиях хаоса, а из него, как известно еще со времен античности, рождается недолговечный порядок в природе и человеческом обществе. И в художнике именно хаос ведет к поиску гармонии и красоты...» И не передать словами его боль за то, что происходит сегодня на украинской земле.

«Почему я так внимательно перечитываю стихи Дмитрия Кедрина о Гражданской войне? В его родном городе сейчас воеет сирена, и люди разбегаются по домам в ожидании комендантского часа. Неужто и в двадцать первом веке настойчиво повторяется кровавая история Украины 20-х годов XX века? Только и того, что пулемет «Максим» и махновские тачанки заменили дроны и F-16... И в случае разгрома регулярных воинских частей тысячи обманутых украинцев уже готовы организовать банды, подобные отрядам «самостийных» атаманов Зеленого, Тютюника, Григорьева, Маруськи, Совы...»

ВЕРА ПОЭТА

В конце перестройки, накануне крушения СССР, судьба свела в Тбилиси Заславского с грузинским философом Мерабом Мамардашвили. «У Мераба было глубокое разочарование в мире, пессимизм. А я, когда переводил «Мера-

Тарас Шевченко

ни», ощущал, что поэт выходит на другую высоту, вырывается куда-то ввысь, – вспоминает Семен. – Исповедуя идею материализма, советское общество было долгие годы глубоко религиозным. Когда все стало разрешено, и люди потянулись в Церковь, вдруг обнаружилось, что обрядовая сторона многим заменила веру. А сейчас идет очищение. К чему я пришел, будучи совсем немолодым? Верю в Россию и Бога. Это мое credo. Эти слова для меня стоят рядом... Очень многое понято только сейчас». Так рассуждает Семен о своем отношении к происходящим событиям. А что касается искусства, то о нем он говорит так: «Искусство не может принимать готовые истины, оно всегда берет с боем каждую новую реальность. Вот поэтому так мучительны судьбы людей».

Есть удивительное стихотворение у Арсения Тарковского, где он пишет о поэте и его творчестве, о том, как он «учился траве, раскрывая тетрадь...» Этими же словами можно сказать и о труде поэта-переводчика, о священном процессе переложения стиха с одного языка на другой в поэтической форме,

о «непостижимой тайне поэтического перевода – всегда открытой земле и небу возможности постижения и понимания самых разных людей и народов».

Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скрепленных их собственным светом,
загадку

Смутных чувств и простую разгадку ума,
В слове правда мне виделась правда сама,
Был язык мой правдив,

как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.
И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унизив ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел,
И пока на земле я работал, приняв
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звезды падали мне на рукав.

О поэзии и поэте следует говорить на языке,
которого они заслуживают, который им равен.

Меня поймут те, кто искренне предан поэзии
и глубоко переживает каждый звук в музыке великих стихотворений.

ПИСЬМО В ТБИЛИСИ

■ Семен ЗАСЛАВСКИЙ

«Взгляд на грузинскую поэзию глазами российских и украинских переводчиков» – так называлась давняя моя статья, написанная в конце минувшего двадцатого века. В этом сочинении я говорил о радости моего приобщения к грузинской культуре, об опыте российских и украинских поэтов-переводчиков в деле переложения произведений Шота Руставели, Николоза Бараташвили, Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе, Галактиона и Тициана Табидзе на языки двух славянских народов, что входили в состав Советского Союза, рухнувшего в 1991 году.

Нет необходимости сожалеть о всегда неожиданных превратностях всемирной истории, однако нужно помянуть добрым словом тех, кто на своем родном языке способствовал пробуждению созидательного духа взаимопонимания и братства между людьми на огромном пространстве российского континента.

...Вижу из моего далека свою молодость на улицах Тбилиси 1982-го года. Еще живы мои друзья Эмик Адельханов и Элла Маркман и ее сын, покончивший с собой в обвальные 90-е годы сумятицы и хаоса гражданской войны в Грузии, развязанной одним литератором, пришедшим к власти над грузинским народом в результате крушения советского государства.

Подземные толчки из неведомого нам всем тогда будущего уже различает чей-то тревожный слух...

В квартире Элочки Маркман на улице Галактиона происходит общение людей, любящих гру-

зинскую и российскую литературы. Здесь часто звучат стихи и переводы Бориса Пастернака, Николая Заболоцкого, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама. Эллочку любят и посвящают ей стихи Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Юнна Мориц. Эллочка часто вспоминает покойного друга своей юности, талантливого и неповторимого поэта Александра Цыбулевского, рассказывает о своей дружбе с гениальным украинским переводчиком Григорием Кочером – с ним она познакомилась в лагере под Интой.

В ее доме бываю и поэты-переводчики более молодой генерации, чем «шестидесятники» – Павел Нерлер, Владимир Леонович, Ян Гольцман, Михаил Синельников. Одаренные поэтессы Марина Кудимова, Анна Бердичевская и Наташа Соколовская часто забегают к ней на чашку чая, и Эллочка от души радуется публикациям их стихов и переводов на страницах журнала «Литературная Грузия». Разве можно не упомянуть об еще одном друге Элочки – удивительном и прониновенном критике и литературоведе Гие Маргвелашвили, – можно сказать, архитекторе великолепных и прочных мостов между грузинской и российской культурами.

Помню яркого человека и музыканта Сашу Галустова, его иногда едкие, но пронизательные суждения о российской литературе...

Кланяюсь памяти благородного тбилисского художника Робика Кондахсазова, его таланту, уму, доброте.

Почему-то не могу забыть рембрандтовское лицо одного тбилисского сапожника, выглянувшего из своей, видимо давно уже исчезнувшей будочки, несколько в стороне от проспекта Руставели.

И опять возвращаюсь памятью к Эллочке – ей я посвятил стихотворение «Прощай, великая душа», написанное через год после ее смерти. С Эллочкой меня познакомил Эмиль Адельханов, и почему-то в первый же день нашего знакомства она подарила мне книгу подстрочников стихотворений Николоза Бараташвили.

С того памятного дня и началась моя работа над переводами из грузинской поэзии.

Благодарю Всевышнего за многолетнее счастье этого труда и отдаю мои тексты на суд взыскательного читателя журнала «Русский клуб».

P.S. Не местечковые военные разборки, чреватые большой людской кровью, а объединяющая людей сила искусства восторжествует, в конечном счете, в истории над всеми ее, как сказал поэт, «скучными ошибками веков».

Прощай, великая душа!

Памяти Эллы Маркман

Годовщина утраты пришла. Не смиряется с нею
И сжимается сердце в предчувствии

новых потерь.

Ты мне снилась сегодня. Но разве понять

я сумею

На каком языке говоришь ты со мною теперь.

Там, куда ты ушла, все, наверное, переменялось

Скроет ночь бесконечная горы и поле,
Только если ударит твой свет по глазам,
Изнуренный бессонной тоской алкоголя.
Будто грешница, я припаду к образам.

И, безвольно, лицо уронив на ладони,
Я приникну к тяжелым церковным вратам.
Луч рассвета ворвется под своды Сиони,
И встрепещет прозрачными ризами храм!

И тогда я скажу: «Вот стою пред тобою,
Лебедь, раненный ликом твоей красоты.
Так взгляни же, Мадонна, в лицо испитое,
Что так долго и мстительно мучила ты!»

Торжествуй над моим ненавидящим
взглядом,
Где когда-то сияла фиалок роса,
А теперь закипают презреньем и ядом
От вина и бессонниц больные глаза!

Так ли, Дева, тебя призывали поэты?
Иль твой образ уже безвозвратно далек,
И у ног твоих в поисках горнего света
Умирает душа, как слепой мотылек?

Где ж найти воздаянье потерянной вере,
Если рухнул незримо воздвигнутый град?
Не остался с тобою в раю Алигьери,
И со мною опять низвергается в ад!

Жизнь моя промелькнет сновидением
пьяным,
Будто дикие кони промчатся в бреду,
Но под небом твоим, прошумев ураганом,
Я в твою милосердную землю сойду.

Божья Мать пречистая, солнце-Мария!
Жизнь моя – сновиденье о розе в песке;
Лепестки ее ливни омыли слепые
И лазурь просияла над ней вдалеке.

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Завещание

Схороните на кургане
Средь степной равнины.
Пусть мой прах землю станет
Вольной Украины.

За широкими полями,
Над Днепром могучим
Будет видно у обрыва,
Как ревет ревущий...

И когда из Украины
Смоет ложь людскую;
Понесет поток кровавый
В синеву морскую. –

Вот тогда я над горами
Полечу до Бога.
Там покаюсь... А дотоле
Не признал я Бога,

Прах сокройте и вставайте,
Кандалы недоли
Разорвите. Искупите
Кровью нашу волю.

И меня в семье великой,
Вольной в жизни новой
Не забудьте. Помяните
Незлюбивым словом.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Сонет 66

Я смерть зову, не в силах больше быть.
Ничтожно все. Ничтожество в чести.
Достойных здесь сумели истребить,
А благородных тихо извести.

И немочь в мир великая пришла.
И веры нет. И лжет неправый суд.
Добро сжилось с растленной властью зла.
И целомудрен откровенный блуд.

И красоты убили благодать.
И разум обезумел под замком.
И вещей муз принудили молчать.
И правдолюбца тычут простаком.

Не в силах быть. Но с жизнью кончить счет
Страх за тебя мне права не дает.

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

Стрела и песня

Будь крепкою, о тетива тугая!
Стрела моя, лети, лети в зенит!
Мне твой неведом путь, и я не знаю,
Чье сердце песнь моя внезапно поразит.

Чей взор так остр, что песни проследит
Короткий взлет, и высоту, и убыль...
Но в сердце друга песнь моя гудит
Стрелой, вошедшей в середину дуба!

МУЗЫКА, СОЕДИНЯЮЩАЯ КУЛЬТУРЫ

■ Юлия ТУЖИЛКИНА

Государственный струнный квартет имени Газизы Жубановой – выдающийся музыкальный коллектив Казахстана, впервые побывав в Грузии. Концерт квартета состоялся в малом зале Тбилисской государственной консерватории. В программе вошли произведения европейской классики, мелодии казахстанских композиторов и, специально для грузинской публики, миниатюры Сулхана Цинцадзе.

«Особенность и уникальность квартета – в нашем репертуаре, – говорит художественный руководитель квартета, заслуженный деятель РК, виолончелист Ернар Мынтаев. – Это наша миссия – популяризация во всем мире музыки казахстанских композиторов. И еще особенность – музыкальные эксперименты обработки традиционных казахских кюев для классического эстрадного квартета». Традиционные казахские кюи – уникальный музыкальный жанр, инструментальные композиции, исполняемые в основном на домбре (казахская двухструнная лютня) или кобызе (казахский смычковый инструмент).

История квартета берет начало в 1988 году, когда в республиканской школе-интернате для одаренных детей был организован коллектив единомышленников под руководством педагога

Дины Чуреновой. Одной из вдохновительниц коллектива является народная артистка КазССР, композитор Газиза Жубанова, в честь которой и был назван квартет.

«Наш квартет получил государственный статус в 1995 году, в следующем году у нас тридцатилетний юбилей. Из самых первых участников остался только я. Сейчас работает уже третий состав», – подчеркивает Ернар Мынтаев.

В составе квартета многие годы выступают – Айдар Токталиев, ведущий скрипач, дарующий музыке свою магию уже 22 года; Алексей Лебедев, виртуоз второй скрипки, который обогащает коллектив своим исполнением на протяжении 16 лет; Бекзат Сайлабайулы, мастер альты, гармонично вписавшийся в ансамбль в последние 10 лет.

Ернар Мынтаев считает, что для достижения истинной гармонии и роста мастерства коллектив должен стать не просто группой профессионалов, а настоящей семьей, сплоченной общими целями и увлечением: «Квартетный жанр классической музыки считается самым сложным жанром, самым элитарным. Все гениальные композиторы писали свои сокровенные мысли для струнного квартета. Подобрать музыкантов для квартета очень сложно. По-

мимо того, что нужны профессиональные музыканты высокого класса, особенно важен человеческий фактор – совместимость. Как и в семье, тут нужно всегда относиться друг к другу с уважением, находить компромиссы, чтобы вместе продержаться много лет ради великой музыки».

На концерте в Тбилиси собрался весь цвет столицы: знатоки искусства, культурные деятели, представители сферы образования, бизнесмены, казахская диаспора в Грузии, дипломаты.

В атмосфере музыкального праздника, где каждая нота переплетается с культурными связями, слова ректора Сухумского университета Зураба Хонелидзе раскрыли всю глубину этих взаимоотношений: «Я очень рад, что присутствовал на сегодняшнем концерте. Казахстан – одна из самых близких стран для Грузии. Все, что связано с Казахстаном, для нас очень важно и ценно. И мы не просто слушаем – мы сопереживаем. Грузины – музыкальный народ, мы ценим искусство, в особенности – музыку. Мне было приятно услышать сегодня и казахские произведения, и грузинские. И увидеть много сходства в характере наших народов. Прочувствовать то, что нас объединяет. Само собой, мы отличаемся друг от друга. Но есть и общее: добро, которое связывает наши народы. Мы это видим и ценим. Я желаю, чтобы это добро не заканчивалось».

Вдохновенная атмосфера музыкального вечера, Дали Махарадзе, менеджер малого зала Тбилисской государственной консерватории, поделилась своими впечатлениями: «Это профессиональный квартет, он замечательно играл. И каждое произведение по-своему удивительно исполнено: и Шуберт, и Равель, и грузинские миниатюры прозвучали бесподобно. Мы были очень рады приветствовать здесь казахстанских музыкантов».

Выступление казахского государственного струнного квартета в грузинской столице стало ярким событием, которое подчеркнуло важность культурного обмена посредством музыки. Кроме того, квартет выступил в Батуми на Международном фестивале черноморского искусства и музыки.

ДВОРЦОВАЯ ИСТОРИЯ

■ Владимир ГОЛОВИН

Завершив 155 лет назад коренную реконструкцию, самое большое здание на главном проспекте грузинской столицы по сей день сохранило тот самый вид, в котором еще в 1869 году окончательно предстало в ранге Дворца Наместника Кавказского. Его и сегодня называют Воронцовским дворцом. Дело не только в том, что тут жил знаменитый граф Михаил Воронцов, который 170-180 лет назад был царским наместником на Кавказе. Здесь же начинал военную карьеру и его троюродный племянник, граф Илларион Воронцов-Дашков, много лет спустя тоже занявший эту высокую должность, и его фамилия не менее памятна более поздним

поколениям горожан. К тому же словосочетание «Воронцовский дворец» и сегодня актуально звучит на просторах бывшего СССР. Это название сохранил знаменитый крымский дворец в Алушке, принадлежавший трем поколениям семьи Воронцовых памятник дворцово-паркового искусства. У многих на слуху он еще и потому, что «играет роли» в кино — от «Алых парусов», «Гамлета» и «Небесных ласточек» до «Десяти негрят» и «Ассы»...

В Тифлисе же обитель правителей Кавказа, дворец наместника Воронцова имел совсем иной, чем ныне, облик, а названия, и «служебные обязанности» не раз менял за более чем полтора века. Впрочем, все по порядку.

Наместничество — особый орган административно-территориального управления в Российской империи. Оно возглавлялось наместником, которого назначал лично император и который полностью осуществлял его гражданскую власть, кроме законодательной. Первым Кавказским наместничеством официально называли то, что ни к Грузии, ни к Южному Кавказу никакого отношения не имело. С 1785 по 1796 годы оно по Указу Екатерины II состояло из Астраханской и Кавказской губерний, охватывая степи между нижними течениями Волги и Дона и часть Северного Кавказа до Кубани и Терека. Ставка наместника Кавказа располагалась сначала в

М.С. Воронцов

Екатеринограде (ныне станция Екатериноградская), затем – в Астрахани. В 1796-м это наместничество упразднили.

Грузия присоединилась к России еще во времена царствования императора Павла, а Александр I был не в восторге от этого. Госсовет же поддерживал идею присоединения к России всех грузинских земель. И в Грузию был послан генерал Карл Кнорринг, чтобы на месте определить положение страны и ее потребности. Через 3 недели он высказался «за», стал первым русским главнокомандующим Грузии и, торжественно въехав в Тифлис в апреле 1802 года, через месяц открыл русские присутственные места.

Однако он не оправдал надежд Санкт-Петербурга, не сумев «уничтожить беспорядки и смуты», допустил развитие казнокрадства и взяточничества. Его проект реформ не удостоился одобрения, и в феврале 1803-го он подал прошение об отставке. За тот год с небольшим, когда Кнорринг пребывал в статусе «главного по Грузии», ему потребовались канцелярия и подсобные помещения. И их ему предоставили в доме, который возвели именно на том месте, где сейчас стоит дворец.

Кстати, все без исключения строения для обитания «команди-

ров Кавказа» возводились именно на этом месте, которое при Кнорринге оказалось за пределами городских стен, в остатках садов. Правда, строили его спешно, вкривь и вкось, но оно все равно приняло Павла Цицианова (Цицишвили) – главнокомандующего с 1802 по 1806 годы. Здание оказалось, говоря современным языком, настолько не функциональным, что в 1807 году его снесли вовсе. И построили новое, в стиле классицизм, которое продержалось лет 25, расширяясь и дополняясь пристройками.

А потом пошло-поехало: до 1844 года – еще десять глав администрации. Иван Гудович, Александр Торماسов, Филипп Паулуччи, Николай Ртищев, Алексей Ермолов, Иван Паскевич, Григорий Розен, Евгений Головин, Александр Нейдгардт. Каждый – в высоком генеральском звании, все осыпаны орденами и наградным оружием, и все на высших к своему времени должностях – Главноуправляющий Закавказским краем, командующий Отдельным кавказским корпусом, Главнокомандующий генерал-губернатор на Кавказе...

Как профессиональные военные они лучше всего могут нападать и подавлять, оборонять и захватывать... Этакое слуги царю, отцы солдатам. Но и добрые дела начинали на чисто бытовом уровне. Доказательство этому – подъемы, проложенные по горным склонам, Благородное училище в Тифлисе, преобразованное за-

тем в гимназию, восстановление типографии, договор с персами о выдаче пособия матери и жене убитого в Тегеране Грибоедова, разработка положения об общественном управлении в Тифлисе, открытие целебных источников в Боржоми...

И все-таки Николай I начинает сомневаться, что чисто военные должности главнокомандующих и главнуправляющих – самые подходящие для управления столь беспокойным краем, как Кавказ. В 1844 году эти сомнения обретают плоть. На территориях Кавказа, вошедших в состав Российской империи (Грузино-Имеретинская губерния, Армянская и Каспийские области), учреждено Кавказское наместничество с центром в Тифлисе. Наместник назначался лично Императором, подчинялся лично Императору, осуществлял всю полноту гражданской власти Императора. Можно сказать, что «на месте» – это был царь и бог.

Воронцову было 62 года, возраст и по нынешним временам почтенный. С 1823-го он успешно управлял Новороссией и Бессарабией, превратил Одессу в процветающий торговый и культурный центр и местом обитания сделал себе Алушкинский дворец. Но отказаться от предложения царя он не мог. Не только потому, что был преданным подданным – Николай I специально для него придумал новую должность «Кавказский наместник». Кстати, один из переводов этой

Воронцовский дворец в Алушке

Все празднества Воронцов отмечал вместе с народом

должности, и на французский, и на английский языки, звучит как «вице-король». Так что место обитания человека с таким титулом и такими полномочиями приобретает уже совсем иной статус, чем просто дом для военного высокого ранга.

Воронцов вызвал из Петербурга модного в свете архитектора Николая Семенова и поручил ему перестроить здание с учетом этого нового статуса. И к 1847 году появляется новое строение в стиле классицизм, с белыми колоннами и античными статуями. Сад рядом с ним принимает парадный вид, становится внутренним садом при дворце, полным кустов, редких растений и красивейших цветов, обносится каменной стеной. Так Михаил Воронцов и становится инициатором и главным заказчиком дворца, который соответственно стал называться Воронцовским.

Это был уникальный наместник. Стиль его правления в корне отличался от манер его предшественников на Кавказе. Цицианов, Ермолов и другие пытались управлять с помощью страха, а Воронцов правил, не запугивая, отдавая приказы и принимая решения с неизменной улыбкой.

Даже при проявляемой жестокости ему удавалось быть популярным. Про этого англомана говорили, что «железную руку самодержавия он облачил в английскую лайковую перчатку».

Тифлис и другие города наместничества превратились в огромные строительные площадки. Благоустроивались центральные улицы, появлялись новые предместья. Город рос: если в 1835 г. он насчитывал 25 000 жителей, то в 1847 г. – 43 862 человека. Столица края обрела европейский лоск, сохранив при этом восточный колорит. По воспоминаниям современников с приездом Воронцова в Тифлис жизнь города начала приобретать иной склад и характер.

Воронцов объявляет, что власть покровительствует местам отправления всех, а не только христианских религиозных обрядов, открывает мусульманское училище, разрешает богослужение раскольникам. Он создает в Тифлисе музей и первую в городе публичную библиотеку, в основе которой – подаренные им книги. Основав отдельный Кавказский учебный округ, князь открывает уездные училища, гимназии европейского

образца, для девочек из малообеспеченных семей учреждается благотворительный пансион Святой Нины. При Воронцове начинают издаваться первый грузинский журнал «Цискари», газеты «Кавказ» и «Закавказский вестник», Кавказский календарь с историческими, географически-

Великий Князь Михаил Романов

ми материалами и статистикой. Появляются театры: оперный и драматические – грузинский и русский, для которого наместник просит знаменитого актера Михаила Щепкина прислать из России хороших актеров.

«Воронцов умел приближать людей способных, трудолюбивых и исполнительных. От самого обнищавшего местного жителя до горделивой княгини, ведущей свой род от царя Давида, все неволью покорялись воронцовской обаятельности и умению приласкать и покорять людей... Общество русское, хотя тогда еще небольшое, было тем не менее в Тифлисе избранное, общество грузинское... с каждым днем все более и более примыкало к нему», – вспоминал писатель Владимир Соллогуб, возглавивший по предложению наместника роскошный театр. Среди других соратников-гуманитариев Воронцова – картвелолог Марий Броссе, первый в Закавказье нумизмат и создатель коллекции насекомых Иван Бартоломей, ориенталист Николай Ханьков, художник Григорий Гагарин...

Новые понятия, новые взгляды, европейская культура постепенно начинают теснить восточную патриархальную обстановку. По словам историка Михаила Щербинина, «устраиваемые наместником в Тифлисе еженедельные вечера, балы и концерты имели цель слияния местных жителей с русскими и уничтожение враждебной розни, искони

существовавшей между обитателями Кавказа».

Кстати, благодаря заботе о чистоте улиц, уже можно было меньше волноваться, что запачкаешь парадное платье, возвращаясь с бала. Ну а все расходы на проведение светских церемониалов осуществлялись не за счет казенных, а из личных средств князя. В 1845 году доходы Закавказского края достигали 1 649 151 рубля; в 1849 г. – примерно 2 000 000 рублей, а в 1852 г. – 6 226 492 рубля. В 1850 г. в Тифлисе открылось Кавказское общество сельского хозяйства, в 1851 г. – Кавказский отдел Императорского русского географического общества. Воронцов привез на Кавказ итальянскую оперу и представления акробатов, французских актрис и английских жокеев.

Постаревший, больной Воронцов покинул Кавказ весной 1854 года. Кавказская война продолжалась еще десять лет и окончилась поражением Шамиля, сдавшегося другому наместнику – князю Александру Барятинскому. Тот произнес: «Мне досталась жатва воронцовского посева».

Потом недолго краем правил исполняющий обязанности наместника, убитый на войне Николай Реад, а о следующем обитателе этого дворца Николае Муравьеве-Карсском сенатор Алексей Харитонов, 18 лет прослуживший на Кавказе, писал: «Его строптивый характер и во-

Сыновья Михаила Романова

обще все, что об нем было известно, особенно личная его с давних лет вражда к князю М. С. Воронцову, не предвещали ничего доброго как для лиц, которым последний покровительствовал или отличал своим вниманием, так и вообще для края, где он, пожалуй, захочет многое изменить только потому, что то или другое было заведено и устроено его предместником. Опасения эти до известной степени оправдались».

А затем пришла пора еще одного блистательного наместника, великого князя Михаила Николаевича Романова. Человек импе-

Правительство Грузии в зале заседаний дворца

Белый зал Воронцовского дворца

раторских кровей, дядя царя, он, конечно же, пожелал устроиться на новом месте с комфортом, подбавляющим великому князю. Он перевез в Тифлис весь свой двор – адъютантов, многочисленные службы, канцелярию, чиновников всех мастей, фрейлин – не для того, чтобы довольствоваться старым домом кавказского наместника. Решено было строить новый дворец в столице, да еще резиденцию в Боржоме.

Объявляется конкурс на лучший проект дворца, рассматриваются пять заявок. Наиболее удачным признается проект с девизом «Ars longa, vita brevis est» («Искусство вечно, жизнь коротка») архитектора Отто Симонсона. Поощрительные денежные призы получают еще два проекта: «Кавказ» Антона Цима и «За Богом молитва, за царем служба никогда не пропадают» Карла Циглера. Но вскоре выясняется, что постройка дворца по проекту Симонсона обойдется в огромную даже для великокняжеской казны сумму – 1 миллион 100 тысяч рублей.

Придворная контора Михаила Николаевича пытается взять ссуду в 500 тысяч рублей у «Закавказского приказа общественного призрения», занимавшегося кредитно-денежными операциями, школами и больницами. Там тщательно подсчитывают каждую копейку и выносят неутешительный вердикт: заняв эти полмиллиона на пятнадцать лет, великий князь должен был вернуть уже 704

607 рублей. И никаких поблажек – закон равен для всех.

Когда весной 1865 года становится ясно, что денег на постройку нового дворца нет и не будет, приходится соглашаться на перестройку имеющегося здания и даже... на покупку «секонд-хенда». А как еще назвать люстры и хрустальные столовые канделябры, принадлежавшие предыдущему наместнику Александру Барятинскому? Колонны же и античные скульптуры попросту сносятся.

Перестройка продолжалась долго – больше трех лет. Особенно «лютовал» с отчетностью директор Департамента государственных имуществ Главного управления кавказского наместника Юлий Витте, отец известного государственного деятеля, реформатора Сергея Витте. Он настаивал, чтобы ему подробно разъясняли причины любого увеличения расходов и резко отказывал в финансировании новых проектов.

Именно так произошло с дворцовым садом. Витте прямо написал в придворную контору великого князя, что средств на содержание садов Кавказского края выделяется мало, и поэтому он не может удовлетворить просьбу по реконструкции сада наместника. И высокопоставленный заказчик безропотно подчинился.

У обретшего свой нынешний вид дворца вспомним: за всю историю династии Романовых

лишь два ближайших императорских родственника носили в семье... грузинские имена – Сандро и Гоги. Что вполне естественно – они родились и провели юность в Грузии, в семье великого князя Михаила Николаевича. Сандро – Александр Романов, в будущем – создатель военной авиации и один из реформаторов военного флота России, оказался еще и блестящим писателем. Увы, широкой читательской аудитории он не известен, но ведь не зря книгу его воспоминаний опубликовали в 1930-х годах нью-йоркское издательство «Феррер и Рейнхерт» и знаменитый парижский эмигрантский журнал «Иллюстрированная история». Его слогу и образности, честности и юмору могут позавидовать многие профессиональные литераторы.

Гоги – это его старший брат Георгий. Он тоже родился в Грузии, но не в Тифлисе, а в нынешнем Тетри Цкаро. Как и все в семье наместника, прожившей на Кавказе почти двадцать лет, он обожает край, в котором появился на свет. Оба, как и еще три их брата, влюблены в Грузию. Слово – Сандро:

«Мы... мечтали остаться навсегда в Тифлисе. Европейская Россия нас не интересовала. Наш узкий, кавказский патриотизм заставлял нас смотреть с недоверием и даже с презрением на расшитых золотом посланцев С.-Петербурга. Российский монарх был бы неприятно поражен, если бы узнал, что ежедневно от часу до двух и от восьми до половины девятого вечера пятеро его племянников строили на далеком юге планы отделения Кавказа от России. К счастью для судьбы Империи, наши гувернеры не дремали, и в тот момент, когда мы принимались распределять между собой главные посты, неприятный голос напоминал нам, что нас ожидают в классной комнате неправильные французские глаголы».

У Гоги военная карьера не складывается – он повреждает ногу. Это огорчает всех, кроме него самого – из Грузии он привез увлечение нумизматикой и историей, его коллекции монет нет равных в России. Для пополнения коллекции он не жалеет никаких денег, его монографии на эту тему издаются даже по

Дворец сегодня

сей день. И – уникальный случай! – все Романовы единодушно поддерживают такое увлечение великого князя. В 1909-м император назначает Гоги директором только что основанного Музея Александра III (ныне – Русский музей), и большую часть своей ценнейшей коллекции монет тот передает музею. Сегодня одна монета из этой коллекции продается за 3 миллиона долларов – мировой рекорд «для неамериканской монеты».

В Первую мировую войну он становится генерал-инспектором при ставке Верховного главнокомандующего. И, изучив положение дел в войсках, делает изумивший царя вывод: революция в России неизбежна, если не принять Конституцию и не даровать демократические свободы. Предсказание сбывается. С падением монархии и Гоги, и детище всей его жизни ждет гибель. Уникальная нумизматическая коллекция частью распродается, частью идет на переплавку. А Гоги оказывается в заложниках у большевиков вместе с братом Николаем, получившим в Тифлисе прозвище Бимбо.

Тот еще в Грузии увлекся историей, стал всемирно из-

вестным ученым, возглавлял в России Историческое и Географическое общества, Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины. Георгия и Николая Романовых, счастливое детство которых прошло в Тифлисском дворце наместнике, расстреляли морозной ночью в Петропавловской крепости, вместе с их родственниками. Бимбо упал первым, Гоги добивали в могиле...

Сандро же, до революции сделавший блестящую карьеру – руководил Советом торгового мореплавания, создавал авиационные школы, входил в Кабинет министров, а в Первую мировую войну возглавил морскую и полетную авиацию, чудом избежал гибели, успев эмигрировать. И до самой смерти во французском Рокебрюне он будет вспоминать тифлисскую пору как самую счастливую в своей жизни.

После Романовых дворец заселяли поочередно трое главнотрунчальствующих – Александр Дондуков-Корсаков, Сергей Шереметев и Григорий Голицын, и два последних наместника – Илларион Воронцов-Дашков и великий князь Николай Николаевич младший... А с 1917-го Южным

Кавказом правил уже ОЗАКОМ, Особый комитет для управления Закавказьем – орган Временного правительства.

Тоже с 1917 года в здании заседало правительство Закавказской Федерации, а в мае 1918 года именно здесь была провозглашена независимость Грузии, Армении, Азербайджана. С 1920-х по 1937 год это был Дом Правительства Советской Грузии.

По этот же год с 1932-го в одном из флигелей дворца была отдельная квартира бывшей горькой прачки Кеке (Екатерины) Геладзе. И говорят, что именно тут прозвучал приписываемый ей упрек Сталину: «Лучше бы ты стал священником, сынок».

С 1956 года это место было знаменитым Дворцом пионеров и школьников, через всевозможные бесплатные тематические кружки и секции которого прошли тысячи ребят. И сейчас здание не изменяет этому направлению уже в статусе Дворца учащейся молодежи. Так и кажется, что он напутствует молодежь девизом, под которым его создавал Симонсон: «Ars longa, vita brevis est» («Искусство вечно, жизнь коротка»).

«Мешок без дна»

БЕЗ ДНА

■ **Нодар НИКУРАДЗЕ**

В этом году исполнилось 80 лет Рустаму Хамдамову. Это имя в кругах кинематографистов и художников знают все. Но, как ни обидно, широкому кругу любителей кино и изобразительного искусства его имя малоизвестно. Я и сам открыл его для себя всего лишь лет десять тому назад, когда посетил в Москве одну из очередных выставок галереи «Artstory» в Старопименовском переулке. В моем небольшом списке авторов, работы которых тогда особенно понравились, на первом месте значилась фамилия Хамдамова. Спустя несколько лет, прогуливаясь по старым районам Тбилиси, я зашел в галерею «Вернисаж». Среди множества картин ярко выделялись четыре графические работы. Девушка-консультант

сообщила, что автор этих работ – Хамдамов. Мне особо понравились две картины из четырех – «Женщина с веером» и «Женщина с фруктами». Я не мог отвести от них глаз... На первой изображена женщина с тонким хрупким станом, но цепкий охват пальцами веера и вызывающее расположение другой руки на бедре, выдают ее волевой, решительный характер. Надменный, устремленный вдаль взгляд, полуприкрытые веки наводят на мысль, что она знает себе цену и достаточно умна. Она как бы вся на ладони, и вместе с тем – очень загадочна. Кто она? Может быть, женщина-вамп? Не могу дать ответ. На второй картине мы поначалу видим лишь хаотично разбросанные пятна акварели, и только потом, постепенно, они начинают оживать и складываться в лик восточной женщины, смотря-

щей пристально прямо в твои глаза. Затем появляются ее руки и, наконец, фрукты.

Я смотрел на эти картины, и по телу бежали мурашки – я чувствовал, что заболеваю ими, влюбляюсь в них! Я просто физически не мог, не хотел с ними расстаться.

Но, как известно, галереи не раздают произведения искусства бесплатно. «Женщина с фруктами» стоила 1200 долларов и была подписана автором, а «Женщина с веером» – 1000, но без подписи. Она мне понравилась больше, однако я все-таки решил приобрести «Женщину с фруктами». Цена для меня была высоковата. Я знал, что вопрос снижения цены можно обсуждать только с директором галереи – Заирой, которая должна была появиться завтра. Пришлось вытерпеть целый день.

Никогда в моей жизни сутки не тянулись так долго. Я ничего не мог делать, ни на чем не мог сосредоточиться – как будто меня загипнотизировали. Весь день я был словно околдован, заморожен этими двумя жен-

щинами, написанными Хамдамовым. Они постоянно стояли у меня перед глазами.

На следующее утро я поехал в галерею. Заира была на месте. Я сказал, что могу заплатить максимум 800. Она ответила: «Это слишком дешево. Могу сбросить только сотку». Я настаивал, просил, уговаривал... Заира позвонила владельцу. Тот не согласился. И тогда я предложил: «Покупаю и «Женщину с веером», несмотря на то что она без под-

стерской Григория Чухрая.

В конце 1960-х Хамдамов, будучи еще студентом ВГИКа, делал костюмы и шляпы для женских персонажей фильма Андрея Кончаловского «Дворянское гнездо». Они подружались. В эти же годы Кончаловский познакомил молодого художника с Федерико Феллини, Микеланджело Антониони и Тонино Гуэрра. Увидев рисунки Хамдамова, великие итальянцы были поражены и после каждого приезда в Мо-

Рустам Хамдамов

писи. Плачу за нее 600. Итого за обе работы прямо сейчас – 1400». Владелец долго сопротивлялся, но нам все-таки удалось его уговорить. Я был счастлив и даже не думал о том, что отдал за картины все свои сбережения.

Рустам Хамдамов стал для меня один из самых почитаемых режиссеров и художников, и мне очень хочется поделиться с читателями тем, что я знаю об этом открытом миру творце и очень закрытом для общения человеке.

Он родился 80 лет назад в Ташкенте. Живописью занимается с 5-ти лет. В 1969 году окончил режиссерский факультет ВГИКа, учился в ма-

ску увозили их с собой в большом количестве. У Антониони весь дом был увешан работами Хамдамова. А его дружба с Тонино Гуэрра длилась сорок лет.

В 1992 году Рустам Хамдамов получил грант от мэра Парижа Жака Ширака. Он жил в Париже до 1995 года, рисовал для Домов высокой моды Милана, Парижа и Нью-Йорка, проектировал ювелирные изделия для американской компании «Russian World Gallery».

Из воспоминаний Тонино Гуэрры: «После долгих лет я нашел Рустама в Париже, в его студии. Он показал мне свои акварели. Я снова вижу его женщин, спрятанных под

Женщина в шляпе

Женщина с фруктами

влажными пятнами света. Он их одевал этими постоянно расцветающими ощущениями, которые утверждают их тайное существование, не подавляя

С Сергеем Параджановым и Лорой Гуэрра. Фото Ю. Мечитова

звал его «французским узбеком».

Свидетелем этих встреч, разумеется, был великий фотолетописец культурной жизни Тбилиси Юрий Мечитов. «Хамдамов малоразговорчив, – свидетельствует он. – Оставляет впечатление личности философского склада, загадочного, погруженного в себя человека. Я бы даже сказал – медитативного человека».

Длительное пребывание и работа во Франции не повлияли на творчество Хамдамова, и он остался верен своей манере письма.

Тонино Гуэрра, вместе со своей супругой Лорой, был на открытии большой персо-

этого существования. Если через рисунки ты мог снова устремиться по тем тропам, где царит волшебный воздух рассказов Чехова, то в акварелях Рустама ты дышишь вечной сказкой Востока. Войти и понять творения – значит вообразить сказочные присутствия. Они сразу же находят в памяти то веселое, что всегда остается после встреч, глубоко прочувствованных».

Между прочим, и Гуэрра, и Хамдамов еще в 1970-80-е годы приезжали в Тбилиси к Сергею Параджанову, которого очень уважали. И проницательный Параджанов, словно провидя судьбу Рустама, на-

Дома у Сергея Параджанова. Фото Ю. Мечитова

На улице Котэ Месхи. Фото Ю. Мечитова

нальной выставки Хамдамова в Санкт-Петербурге в 2003 году. В своем выступлении он сказал: «Рустам подарил свою сказку этому великому городу. Но нужно быть очень внимательным, так как эти картины лишь кажутся нарисованными очень просто. Нужно иметь внимательные глаза, нужно вернуться домой, унеся его царевен в памяти. Искусство нуждается в помощи того, кто смотрит. И любовь к картине возникает тогда, когда вы дополните ее своими чувствами и своей памятью».

В том же году Рустам Хамдамов стал первым в истории

российским художником, работы которого при жизни приняты в коллекцию Государственного музея Эрмитаж. Его картины также находятся в собраниях Государственной Третьяковской галереи, музея Зиммерли университета Ратгерс (США), Национальной галереи города Равенна (Италия) и в большом количестве частных коллекций по всему миру.

Успехи Хамдамова в области живописи, графики, дизайна стабильны во все годы. Чего, увы, не скажешь о кинематографии. Почему так? Ответ на этот вопрос попыталась

матогграф – индустрия, и ты обязан считаться со сметой, временем, актерами, законами рынка. Это жмет и давит, и трудно ходить в туфлях на два номера меньше, даже если это лучшие в мире ботинки. Мир Хамдамова предметный, ибо лишь предмет не надменно пластичен и совершенен». Кстати, обложку этой книги украшает портрет самой Паолы Волковой, написанный Рустамом Хамдамовым.

Вторит Волковой и Татьяна Москвина – прозаик, драматург, литературный и кинокритик: «Свободная жизнь

Эскиз костюма

Дамы с виноградом

Девушка с перьями

Эскиз костюма

дать Паола Волкова – историк культуры, писательница, доктор искусствоведения, она преподавала во ВГИКе и знала Рустама со студенческих лет. В своей книге «Портреты», где она описывает жизнь и творчество величайших художников, актеров и режиссеров современности, Волкова отмечает, что Хамдамов знаменит как художник, а вот его фильмы от дипломного «В горах мое сердце» до «Анна Карамозфф» – малоизвестны. «В искусстве этот человек равен себе и себе принадлежит, – пишет она, – а кинематографическому

человеческому духу не обязан подчиняться требованиям данного исторического мгновения. Я думала об этом, когда смотрела на днях чудом вышедший в прокат фильм Рустама Хамдамова «Мешок без дна». Маниакальный эстет, признанный художник Хамдамов за свою жизнь снял два с половиной фильма, снимал по много лет, постоянно ввязываясь в конфликты с судьбой». Москвина так говорит об этом фильме – это сказка сказок, в которой чарующая воронка изображений, и это блуждание в фантасмагори-

ческом лесу ведет к свободе художника, которая есть свобода человека.

В 2017 году на Московском международном кинофестивале специальный приз жюри «Серебряный Святой Георгий» вручили Рустаму Хамдамову – за фильм «Мешок без дна».

Мне посчастливилось посмотреть эту картину в 2018 году. Я был очарован его изумительной красотой и глубоким смыслом. Но как досадно – в зале московского кинотеатра «Салют» было много свободных мест...

ПИОНЕРКА МАЙЯ КАВТАРАДЗЕ

Глава из книги «Рисунки на песке»

■ **Михаил КОЗАКОВ**

В те годы Хемингуэй был самым любимым американским писателем нашей читающей публики. Еще никому из нас не были известны ни Фолкнер, ни Апдайк, ни Сэлинджер, ни Пени Уоррен, ни... и так далее. Портрет Хемингуэя в толстом, кольчужном свитере висел во многих московских квартирах как диплом на интеллигентность. Поэтому майским вечером 1961 года на премьере его пьесы «Пятая колонна» собралась, уж точно, вся Москва.

В зале жарко. С нас, с актеров, проворачивающих громады текста, течет пот. Это была трудная премьера «Современника» — после нее мы даже не поняли толком, что это было — успех или провал? Скорее ни то ни другое. Да особенно-то и не думалось. Нам предстояла поездка в Тбилиси, куда мы везли «Пятую колонну», поставленную тбилиским режиссером, и мы надеялись на патриотизм

грузинского зрителя. Однако, несмотря на общий феерический успех «Современника» в Тбилиси, прохладнее всего грузины приняли именно «Пятую колонну», — и с огорчением сами это признавали...

Если в жизни театра бывают праздничные гастроли — не хорошие, не успешные, а именно праздничные, — то они у «Современника» были в Грузии летом 1961 года. У старых актеров бытовало выражение: «Меня там на руках носили!» Так вот, в Тбилиси нас носили на руках, хотя, надо признаться, без этого было просто нельзя: многие — и я, многогрешный, — на собственных ногах держались с трудом, а иные не держались вовсе, когда после месяца триумфа, банкетов, приемов с нами прощались на вокзале, перед тем как усадить в поезд Тбилиси — Баку.

Тот, кто хоть раз бывал в Грузии, знает, что такое грузин-

ское гостеприимство. Каждый вечер после спектакля у входа стояли десятки машин, и тбилисские коллеги и друзья везли нас куда-то. Прибавим к этому оглушительный прием наших спектаклей, милицию, кольцом окружавшую здание театра, чтобы не допустить безбилетников, которые тем не менее прорывали заслоны и попадали в переполненный зал; вот уж действительно (прошу прощения за банальность) море цветов, овец, а наутро благожелательнейшую прессу, которой мы не были избалованы у себя в Москве. Антисталинский театр был принят на родине Сталина с таким успехом, с каким его потом принимали только в Варшаве и Братиславе. Я не стану распространяться о наших ночных банкетах у подножия Джвари и о поездках в Мцхету, Цинандали, Телави. О замечательном пении и чтении стихов в застолье. Удержусь даже от рассказа о спектакле «Медея» с великой Верико Анджапаридзе, который марджановцы сыграли ночью специально для нас...

Но об одном вечере я должен рассказать. Этот вечер прошел в доме Сергея Ивановича Кавтарадзе, человека, прожившего, как говорится, длинную и весьма богатую событиями жизнь. Было ему уже за семьдесят. Седой, с седыми же, аккуратно подстриженными усами, очки с немалым количеством диоптрий увеличивали и без того большие раскосые глаза. Он принимал нас в своей огромной красивой квартире на улице Нико Николадзе (кстати, спустя много лет в этой квартире Тенгиз Абуладзе снял несколько эпизодов своего знаменитого антибериевского фильма «Покаяние»). Хозяин дома и его жена Софья Абрамовна производили впечатление классической четы грузинских интеллигентов из «бывших». Софья Абрамовна — маленькая аккуратная старушка — и вовсе происходила из княжеского рода, что в Грузии, впрочем, не редкость.

Сергей Иванович с молодости был профессиональным революционером. Когда-то судьба свела его с молодым Сталиным, кажется, они вместе участвова-

ли в Бакинской стачке. Носивший партийную кличку Коба, Сталин предложил Серго Кавтарадзе тоже взять себе партийный псевдоним и даже сам его придумал – Того. Подумав, Кавтарадзе вполне резонно возразил, что «Того» – фамилия японского адмирала-империалиста и члену революционной партии такая кличка не к лицу.

– Так что, Сосо, давай подыщем другую!

– Нет, Сережа, у тебя глаза раскосые, как у японца. Того – это как раз то, что нужно.

Так Кавтарадзе по воле Сталина стал Того. По его же воле он потом окажется директором издательства, заместителем министра иностранных дел, советским послом в Румынии... Но до этого, так сказать, «до того», Того все по той же самой воле станет жертвой изуверского характера своего партийного товарища, отсидев в тюрьме с конца 20-х до конца 30-х годов. Боюсь соврать, к какой внутрипартийной «платформе» примыкал Кавтарадзе, то ли «двадцати восьми», то ли «сорока восьми», но посажен он был Кобой одним из первых грузинских революционеров – как чересчур много знавший о прошлом вождя. А еще, говорят, сыну грузинского сапожника не понравилось, что революционер женился на девушке княжеского рода.

Словом, сидел Того долго. Один раз был выпущен на очень короткий срок и снова сел. Сидел в разных тюрьмах. Сталину не писал, милости от него не ждал. Один только раз потревожил он бывшего товарища, когда находился в Саратовской тюрьме, и то не из-за себя. Сергея Ивановича взбесило, что по тюрьме стали водить экскурсии пионеров и в тюремный глазок показывали живого врага народа, каковым и числился сидевший в камере-одиночке заключенный Кавтарадзе. Письмо, судя по всему, Сталин получил, – во всяком случае, больше подобных экскурсий не замечалось. По другим поводам Кавтарадзе Сталину не писал.

Но за него много лет безуспешно хлопотала Софья Абрамовна, да маленькая дочка Майка писала лучшему другу всех детей письма, в которых

«Современник» в Тбилиси. 1961

умоляла Сталина освободить ее папу. И подписывалась всегда одинаково: «Пионерка Майя Кавтарадзе».

Что подействовало на «отца родного», трудно сказать, – может, просто истек срок заключения? – только Кавтарадзе перед войной был выпущен и даже получил работу и жилье в Москве. Служил он в Гослитиздате, а обитал с семьей в доме на улице Горького, занимая две небольшие комнаты в коммунальной квартире. Со Сталиным, естественно, не виделся, только читал в газетах про его величие, возраставшее не по дням, а по часам.

Издательству, где работал Кавтарадзе, было рекомендовано опубликовать «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели в новом переводе, который сделал Шалва Нуцубидзе. Причем Сталин сам следил за

ходом издания и, памятуя, что в молодости грешил стихами, давал поправки и, по слухам, даже вписал пару строк. Перевод был, разумеется, издан.

Однажды поздно вечером за Кавтарадзе приехала черная служебная машина. У человека, заявившегося в коммуналку, в петлицах спецслужбы были ромбы. Софья Абрамовна в слезах попрощалась с мужем, так как жизнь давно научила ее не ждать ничего хорошего от «черных марусь», приезжавших ночью, да еще с молчаливым человеком, в обязанности которого отнюдь не входило давать какие-либо объяснения. Но на сей раз, миновав Лубянку, черная «эмка» привезла Сергея Ивановича в Кремль. И тут-то он узнал, кто хотел его видеть в столь поздний час. За столом своего кабинета сидел Сталин. Кавтарадзе вытянулся почти по-военному и гмыкнул, давая понять, что он, мол, здесь. Коба оторвался от бумаг.

– Здравствуйте, Иосиф Виссарионович, – сказал Кавтарадзе.

Сталин неторопливо подошел к нему и, посмотрев в глаза с почти печальной укоризной, ответил:

– Сережа, ты что, с ума сошел? Какой я тебе Иосиф Виссарионович? Ну, гамарджоба, генацвале. Рогора хар?

– Диди мадлоба, Коба, каргад. Шен рогора хар?

Старым друзьям накрыли стол. Появились грузинское вино и русская водка. Поговорили о теперешней жизни и работе Сергея Ивановича. Сталин расспрашивал о делах издательства и высказал авторитетное одобрение по поводу нового перевода «Витязя в тигровой шкуре».

– Молодец Шалва, хорошо перевел Шота. Слушай, Сережа, давай его сейчас сюда вызовем?

Через час в кабинет доставили обалделого от неожиданности Шалву Нуцубидзе. Сталин был тамадой. Пили за Грузию, за грузинскую поэзию, за Шота Руставели, за новый перевод, за каждого присутствующего в отдельности. Сталин умел выпить – не пьянел. Кавтарадзе тоже был крепкий мужчина, а

Шалва скопытился, захмелел разом от счастья и водки, и его, уснувшего прямо за столом, двум старым подпольщикам пришлось перетаскивать на кожаный диван.

Уже начинался ранний рассвет, когда Коба вдруг спросил:

– Сережа, ты не хочешь пригласить меня к себе в дом?

Вопрос, как объяснил мне Сергей Иванович, был задан неспроста. По грузинскому обычаю, окончательное прощение за нанесенную обиду обиженная сторона должна подтвердить, пригласив обидчика к себе в дом. И когда хлеб будет преломлен и бывшие враги выпьют друг с другом в доме обиженного, произойдет полное отпущение грехов. Обязанным был Кавтарадзе, и исполнить старый обычай надлежало ему.

– Ну, так как, Сережа? – повторил Сталин.

– Что ты, Иосиф, конечно, конечно, – растерялся Кавтарадзе. – Но ведь я живу в коммуналке и как смогу принять там дорогого гостя? Да и чем я сейчас тебя приму?..

– Так ты не зовешь меня, Сережа, – с грустью отметил Сталин. – Ну, как знаешь...

– Нет, ты меня неправильно понял, Иосиф! Я счастлив тебя позвать, счастлив! Но ты же понимаешь, я живу в коммуналке...

Увидев в глазах Сталина искорки, не предвещавшие, как он знал, ничего хорошего, Сергей Иванович все-таки решился:

– Я прошу тебя быть моим гостем, когда ты захочешь!

– Сейчас, – сказал Сталин.

Дом, где жил Сергей Иванович, находился в двух шагах от Кремля, так что доехали быстро. Большой двор на улице Горького жил своей затрапезной утренней жизнью. Завозились продукты в гастроном, грузчики перетаскивали ящики в ресторан «Арагви». Увидеть в пятом часу утра Сталина, мирно прохаживающегося в сопровождении свиты по двору на улице Горького, – должно было показаться коллективным сном. Один из грузчиков, несущий на голове ящик с сосисками, увидев вождя, замер и вытянул руки по швам, а ящик продолжал каким-то факирским чудом

Первые гастроли в Тбилиси. 1961

держаться у него на голове.

Было в те времена такое художественное полотно: «Московский рассвет». На мосту или, уж не помню, может, на набережной двое в длиннополых буденновских шинелях – Сталин и первый маршал Ворошилов. Сюжет – Сталин, Кавтарадзе и грузчик с сосисками на голове – вполне был достоин кисти Айвазовского, как сказал бы чеховский Вафля. И уж тем более – кисти Бродского или Александра Герасимова. Полусонный лифтер Сережа, тезка Сергея Ивановича, отперев дверь парадного и не обратив на вошедших никакого внимания, начал брюзжать по общей привычке всех лифтеров:

– Ходят тут с утра пораньше, не спит им...

– Сережа, опомнись! Не узнаешь разве?

Приглядевшись и заодно ополоумев, лифтер лихо отдал честь, вскинув ладонь к несуществующей фуражке:

– Так точно, узнал! Здравия желаю, Великий Вождь товарищ Сталин!

Позвонили. Софья Абрамовна сама открыть не успела, так как с трудом наконец уснула под утро, приняв снотворное. В квартире жили еще студент и чокнутая соседка, которая смертельно боялась краж и потому держала при себе овчарку.

– Кто там?!

– Откройте, Нина Ивановна, свои.

Нина Ивановна в ночном халате осторожно открыла дверь, держа собаку на поводке. Тупо посмотрела, не здороваясь, секунду-другую и, ни слова не сказав, ушла в свою комнату, таща за собой овчарку.

На следующий день она рассказывала соседям во дворе:

– Этот грузин Кавтарадзе совсем с ума сошел: приходит ночью пьяный, а перед собой держит портрет Сталина...

Впрочем, наутро во дворе уже все знали про ночной визит. Двор был оцеплен, детей даже не пустили в школу, чему они, как все нормальные дети, были несказанно рады. Об этом много лет спустя мне рассказала моя приятельница Зина Попова, жившая со своей мамой Марией Поповой, пулеметчицей легендарного Чапаева, в том же доме.

Кавтарадзе разбудил жену:

– Софочка, вставай! К нам гость пришел!

– Сережа, ты пьян... Голубчик мой! Где ты был?

– Софочка, я не пьян, то есть я выпил, но это не важно. Вставай, к нам Коба пришел!

Сели за стол втроем. Полковник, сопровождавший Сталина, торчал в коридоре. Сергей Иванович попробовал было уговорить его примкнуть к трапезе, он упорно отказывался, а на повторное приглашение отрезал:

– Товарищ Кавтарадзе! Я свое место знаю!

Софье Абрамовне недолго пришлось извиняться за скудость стола. Через полчаса, а может, и раньше, охрана притащила горячие шашлыки, лобио, сациви и прочую снедь, очевидно, из «Арагви», – хотя один Бог знает, кто и когда смог ее приготовить в пять утра.

Как водится, хозяин, исполнивший у себя в доме обязанности тамады, произнес первый

Серго Кавтарадзе с учащимися 1-й тбилисской школы

тост за гостя. Выпили. Поцеловались. Преломили хлеб. Потом – за хозяйку. Сталин, приняв «аллаверды», сказал о женах, которые умеют делить с мужьями их нелегкую жизнь и быть верными при всех обстоятельствах. Потом обнял Софью Абрамовну за плечи и тяжело вздохнул:

– Намучилась, бедненькая.

Выпили еще. Опять за Сталина, за Грузию, за молодость. Вспоминали. Пили. Смеялись. Снова пили. Снова грустили о молодости. И опять пили. Приснула Майка, и ее усадили за стол, выпили и за нее тоже. Сталин поцеловал девочку, усадил на колени:

– Так это ты и есть пионерка Майя Кавтарадзе?

Стало понятно, что письма девочки до Сталина дошли...

Через день семья Кавтарадзе переехала в стометровую квартиру в новом доме на Фрунзенской набережной. Вскоре Сергея Ивановича назначили заместителем министра иностранных дел. Министром тогда был В.М. Молотов.

После войны, прогуливаясь с Сергеем Ивановичем по саду и подрезая ножницами куст, Сталин вдруг резко обернулся и зло бросил:

– А все-таки ты желал моего падения, когда примкнул к враждебной мне платформе!

На этот раз обошлось. Кавта-

радзе не посадили, а отправили в почетную ссылку. Послом в Румынию...

Я хорошо запомнил весь этот рассказ еще и потому, что слушал его не единожды: в 1968 и 1969 годах гостил у старика на его прелестной дачке в Цхнети под Тбилиси. Он, бывший тогда уже на пенсии, не мог, конечно, отделаться от таких воспоминаний.

Сергей Иванович вообще обладал поразительной памятью. Рассказывая о событиях сорокалетней давности, точно называл имена, подробнее восстанавливал детали, связанные с бытом или людьми, вплоть до речевых интонаций или покроя одежды. Очень жалею, что по свойственному многим из нас легкомыслию не записал его рассказов тогда, по свежему следу, ведь с его смертью исчезли какие-то невозвратимые подробности нашей общей истории. Отчасти – только отчасти – искупаю свою вину, записывая время спустя, по памяти. И, любя Сергея Ивановича, будучи за многое ему благодарным, отмечаю то, что и тогда меня горестно, хотя еще и смутно удивляло: какие бы страшные факты, какие бы изуверские подробности ни приводил он, говоря о Кобе, в его рассказе всегда чувствовалось глубокое уважение к Иосифу Виссарионовичу...

ДОТЯНУТЬСЯ ДО НЕБЕС, ИЛИ КАК ОБРЕСТИ КРЫЛЬЯ

■ **Екатерина МИНАСЯН**

Я всегда знала, что в прошлой жизни была птицей. И все мои лазания по крыше, горам и полеты на параплане были не иначе как фантомными проявлениями прошлого воплощения. Не знала я лишь о том, что память о прошлых воплощениях такая, знаете ли, штука, передающаяся по наследству. Точнее, читала об этом когда-то, но не соотносила с собой. Пока мои отчаянные попытки обрести утерянные крылья не увенчались успехом через сына.

Кажется, еще недавно сын вырывал свою ладошку из моей при переходе через дорогу в школу, чтобы казаться большим. И, истратив все накопленные средства на подарок своей крестной, приехал на мусоровозе, который остановил и объяснил дядюшкам, что очень устал, а денег на транспорт, чтобы доехать домой, не осталось. И вот он уже оканчивает институт и по случайно найденной мною в интернете вакансии едет в Гудаури работать «сборщиком туристов». Так называют там промо-ребят, которые рекламируют полеты на параплане. Говорят, когда бог хочет вмешаться в судьбу человека, он надевает мантию случая. Спустя год после приезда Ян начинает летать сам и, как говорится в подобных случаях, заболева-

ет небом. Ян Минасян становится первым пилотом за историю существования этого спорта в Грузии, кто представляет страну в двух чемпионатах мира – в Украине и Турции. И пилотом, который завоевывает золотую медаль чемпионата, проведенного этим летом в Грузии.

Интервью с сыном, наверное, самое сложное и самое ответственное за всю мою жизнь. Это в какой-то мере откровение, повествование о самой себе. Только рассказанное не от первого лица, а через следующее воплощение – сына. В этом интервью ты вроде бы и стараешься абстрагироваться от ролевой расстановки: мама – сын, но, по итогам, все равно скатываешься в тихое материнское ликование победой своего отпрыска. Помните,

как повторял герой известной американской комедии «В джазе только девушки»: я мужчина, я мужчина, я мужчина. Так вот и я, в упоении сыновьей победой, повторяла: я журналист, я журналист, я журналист...

НА «ФЕРРАРИ» ДО ФИНИША

Идея о проведении чемпионата витала в воздухе с весны, но никто из ребят не верил, что нам удастся победить бюрократию, рассказывает Ян. Во-первых, нужно было получить разрешение для проведения в Кварели чемпионата от Агентства гражданской авиации, в подчинении которой находится Федерация по парапланеризму. Во-вторых, найти спонсоров, в-третьих, организовать проживание судьям и участникам, обеспечить питание, подготовить транспорт, на котором участников будут доставлять к старту. Парапланеризм – это спорт энтузиастов. Днем пилоты летают, а вечером собираются в компании, общаются, развлекаются.

– В чемпионате участвовало мало стран, потому что пилоты просто не успели зарегистрироваться, – продолжает Ян. – Есть такая специальная платформа, там выкладывается информа-

ция о турнирах по параплану, по дельтаплану или другим видам смежного спорта. И спортсмен может зайти на сайт, посмотреть и решить, нужно ли ему участвовать. К слову, если турнир проходит в августе, то информация появляется на сайте в январе. Информация о предстоящем в Грузии чемпионате появилась за два дня до начала.

– А вас – организаторов и участников, не напугало то, что люди не успеют среагировать и не прилетят для участия?

– Мы в принципе ориентировались на то, чтобы набраться организаторского опыта. Следующий чемпионат будем делать масштабнее. Первый чемпионат прошел в 2019-м и был организован совместно с украинской федерацией. Нашими силами, без посторонней помощи, мы его организовали впервые.

– Каждый день тебе задают определенную траекторию. Ты должен долететь из точки А до точки Б через поворотные пункты А1, Б1 и т.д. Это воздушные цилиндры в твоём летном устройстве, телефоне, планшете или что у тебя там. Выполнять задание начинаете все в одно время. Вы находитесь в воздухе и допустим в 16:30 вы должны лететь – это называется воздушный страт. Ну и кто долетает до финиша первым, выигрывает. Задания всегда строятся исходя из погоды и рельефа местности. Траектория может составлять 30 км, а может и 100.

– Ну, и давай-ка о том, сколько было зачетов?

– В чемпионате было три зачета: over goad – для крыльев, если можно так выразиться, гоночных, спорт-класс – для пилотов с крыльями немного ниже классом, чем гоночные. На гоночных летают, участвуя в турнирах на кубок мира. А крылья спорт-класса используют для каждодневного полета, большинство пилотов летает на таких. В чемпионате участвовали два пилота с такими крыльями – я и пилот из Ливана. Такие парапланы отличаются меньшей безопасностью и требуют более точного управления. Ну, чтобы ты приблизительно понимала, это как ехать на БМВ, а потом пересечь на «Феррари».

– То есть, ты долетел до финиша на «Феррари».

– И был третий зачет – командный.

– Чем полезно проведение таких чемпионатов?

– В Европе и даже в некоторых странах СНГ есть регионы, кото-

рые развиваются за счет таких соревнований. На чемпионат, как правило, съезжается, много народу. Это повышение спроса на хорошие гостиницы, рестораны... Пилоты – люди относительно обеспеченные, потому что в три года раз покупают оборудование, которое стоит около трех тысяч евро. Побывав в какой-то стране, они потом рассказывают своим друзьям, как было круто. Сарафанное радио в данном случае хорошо работает.

– Что нужно сделать, чтобы тот же эффект это имело в Кварели?

– Нужно развивать инфраструктуру. Проложить дорогу до старта, чтобы люди могли на автобусах добраться до нужного места. Понятно, что это сложно, но проблему можно решить. А то на старт заезжали на ЗИЛе. Нас тут было немного. Но организовывать соревнования на кубок мира и везти на ЗИЛе сто с лишним человек – сомнительное удовольствие. Машина может перевернуться, и все обернется трагедией. Это небезопасно и несерьезно.

– Экономические профиты от проведения чемпионатов налицо. А что дает участие в соревнованиях пилоту?

– За участие в чемпионатах тебе начисляются очки. Это влияет на твой рейтинг. Чем выше рейтинг, тем в более престижных чемпионатах ты можешь участвовать. Кроме того, в них принимают участие люди, которые начали летать еще в 90-х, они летят с тобой, показывают маршруты, и ты врубаешься, как надо летать, и начинаешь какие-то вещи применять.

Ян Минасян

– Каковы требования для участия в турнире?

– Общие требования, приемлемые для авиации. К слову, желательно, чтобы человек не был инсулинозависимый. Если соревнования проходят в горах со сложным рельефом, то организаторы могут требовать какой-то налет часов, как доказательство того, что он в горах уже летал и не новичок. То есть, если ты выполнял сложные полеты и пролетел, скажем условно, 50 километров, тебе нужно показать организаторам какую-то часть этого трека в записи.

– Что представляют собой задания турнира?

НЕСОВЕРШЕНСТВО ЗАКОНА И ЗОВ НЕБА

Помню, как ловила сердце где-то на вылете из груди. Как зажималась от взрыва вертолета, который летел со спасателями и медиками на помощь погибшему от удара об скалу туристу. Как переживала, когда министерство внутренних дел наложило запрет на полеты. И как ожидала вместе с сыном введения регуляций по безопасности в этом экстремальном виде спорта.

– *Более года вы были в простое после той трагедии. Приняты ли были по итогам меры, которые призваны обеспечить большую безопасность полетов?*

– Вообще, с учетом количества полетов в Гудаури, процент смертности в этом экстремальном спорте, как бы это ни звучало цинично, довольно низкий. За все эти годы были травмы, но летальных исходов крайне мало. А на лыжах сколько погибает людей? Просто тут дело связано с воздухом, непривычным для человека состоянием, поэтому воспринимается по-другому. Нужно слишком поверхностно относиться к мерам безопасности и очень много чего сделать неправильно, чтобы умереть в результате полета на параплане. В целом, в Гудаури очень хорошая статистика. Понятно, что на один год пришло гибель трех туристов.

Зато до этого за 10 лет был всего один случай. А в Турции, где все отрегулировано, в отличие от нас, люди гибнут ежегодно. Все равно, учитывая сколько людей ежедневно погибает на автомобильных дорогах, авиация остается самым безопасным видом транспорта. У каждого пилота, который в Грузии летает с туристом, есть страховка. Но она распространяется на пассажиров, пилота и третье лицо. Скажем, условно, мы врежемся в фуру на дороге при приземлении и возместим ей нанесенный ущерб. Но, как бы парадоксально это ни звучало, страховка не распространяется на пилотов. Правда во время чемпионата, в качестве исключения, пилотов все же застраховывали.

– *Что изменилось после снятия запрета на полеты?*

– Одно дело, когда ты летаешь в сольнике, а другое – когда подвергаешь риску жизнь человека, летящего с тобой в тандеме. До того трагического случая в Гудаури люди летали кто как хотел, без сертификатов, подтверждающих наличие каких бы то навыков. Царил полный хаос. Сейчас начали соблюдать хотя бы базовые правила. Без лицензии, которую выдает федерация по парапланеризму, ты летать не можешь. Помимо того, перед полетом туристы, как правило, подписывают с пилотами Disclaimer form, или

дисплеймер – письменный отказ от любых возможных претензий. Это же экстремальный вид спорта. И турист, подписывая этот документ, понимает, что может пострадать в результате полета. Такова общепринятая мировая практика. Кстати, женщин на парапланах летает больше. Они рискуют жизнью охотнее мужчин.

– *Как туристы реагируют на подписание этого документа?*

– Спрашивают, а мы не умрем? На самом деле, когда человек садится в машину, он рискует погибнуть не меньше. Дело всего лишь в восприятии. Просто воздух у нас пока ассоциируется с опасностью. Вот когда машины начнут летать, как в «Пятом элементе», тогда в нашем сознании многое изменится. После того как полеты разрешили, включились другие вопросы. Нужно подтвердить летную площадку. У всех пилотов, стартующих с этой площадки, должны быть лицензии, проверенные парапланы. Может приехать сотрудник с проверкой из федерации, и если с площадки стартуют пилоты без лицензии, то могут отозвать лицензию стартовой площадки. Никому это невыгодно, это же коммерческая площадка. Нарушать этот закон – все равно что рубить сук, на котором сидишь. Но в плане спорта стало хуже. Раньше полеты были легальны по всей территории. А теперь ты имеешь право летать

лишь в том воздушном пространстве, которое выделено Агентством гражданской авиации. А для профессионального развития спорта нужны полеты на дальние расстояния. Когда ты осваиваешь большие маршруты, у тебя появляется комбинация условий, ты начинаешь читать рельеф, соотносить условия с временем, мыслить тактически. Ты постоянно попадаешь в нестандартные ситуации, учишься выкручиваться, понимаешь, где допустил ошибки. Если я захочу сегодня полететь из Гудаури в Кахети, то должен буду сделать это уже нелегально.

ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ВСЯЩАЯ НА ВЕРЕВОЧКЕ

Оказывается, можно даже после спортивных травм снова отпустить сына в небо. Потому что, сколько бы страха и волнений ты ни испытывала за его жизнь, он этой жизни уже не мыслит без неба. А значит тебе остается только с замиранием сердца вновь вглядываться в голубую гладь и радоваться его успехам.

– Хотелось бы знать о твоих личных рекордах, ведь их ставит каждый спортсмен.

– До 5 тысяч метров над уровнем моря – максимальная высота, на которой я летал. А длительность, наверное, семь часов.

– Семь часов непрерывного пребывания в воздухе?

– Да, семь часов без посадки, из Гудаури до Кахетии. Некоторые и по 12 часов летали. Максимум светового дня использовали. Рекорд установили в Бразилии. Ближе к экватору солнце восходит раньше и заходит позже, оно хорошо прогревает землю и создает тем самым идеальные условия для полета. У нас при идеальных условиях можно пролететь 10 часов.

– Полет на большие дистанции – это отдельное направление?

– На самом деле направлений в этом спорте много. Есть спортсмены, которые занимаются только акробатикой, исполняют экстремальные трюки. А есть те, кто летают строго по маршрутам. Другие объединяют полет с ходьбой – суть такого соревнования в том, что спортсмены должны пролететь от одной точки до другой, потом отметить, подписавшись

в определенных пунктах, и продолжить полет. Такое состязание растягивается дней на десять.

– А что объединяет всех парашютистов?

– Чувство полета. Кто не летал – не поймет. Это особенное чувство, которое только в полете и возникает. Возникает же какое-то чувство в самолете – ты лежишь на огромной машине, которую создали гении инженерии. В парашюте так же, только в усиленной форме – нет никакой кабины, ты лежишь с веревочками над собой и тряпочкой.

– И жизнь твоя висит на этой самой веревочке... Ты себя комфортнее чувствуешь на земле или в небе?

– Смотря какая погода. На земле и в воздухе в одно и то же время может быть разная погода, разное давление. Когда погода хорошая, мне в воздухе комфортнее, чем на земле.

– Можешь представить какие-нибудь условия, при которых ты откажешься от неба?

– Это как?

– Ну, не летать.

– Нет, такого не может быть.

– Что значит быть парашютистом?

– Это значит говорить ДА приключениям.

– У тебя за время полетов бывали экстремальные ситуации?

– Стоит расслабиться, и экстремальная ситуация в наличии. Нельзя переоценивать свои возможности и представлять себя богом. Как только ты теряешь чувство страха, оказываешься в опасности. Почему в космос не отправляют роботов? У них нет чувства страха, и поэтому

они не могут мыслить креативно. Если ты не боишься смерти, значит ты останавливаешься. Если ты готов умереть, то тебе и бороться уже не надо. Конец смирившегося со своей участью предрешен. В «Бэтмене» есть такой эпизод, где главному герою говорят: «Ты не боишься смерти. Думаешь, это делает тебя сильнее? Ошибаешься». Он должен бояться умереть, чтоб быть сильнее...

– Ты в Гудаури один из самых молодых пилотов. Есть ли возрастная преграда, когда уже не рекомендуется летать? Ну, как в гражданской авиации?

– Нет такого возраста, после которого нельзя летать. В парашютизме и в 70 летают. Этот спорт не так требователен к твоей физической подготовке.

– А как же перепады давления на большой высоте?

– Если пилот лет тридцать уже летает, то теряет чувствительность к этим перепадам. При подъеме в горы сильнее реагируешь. Люди без ног занимаются этим спортом. Их сажают в коляски и запускают. Если любишь небо, то это на всю жизнь. Там, наверху, все по-другому.

– Что значит «по-другому»?

– По-настоящему. Без фанфаронства. В воздухе ты не круче, чем ты есть на самом деле. Полет – такая штука... Сложно объяснить... Нужно прочувствовать. Самый большой драйв – когда ты вываливаешься из облака. Приближаешься к кромке облака, глядишь во все белое, и сквозь него потихоньку начинает просвечивать голубое небо...

МЫ СЛУЖИМ ГРУЗИИ!

Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Слово «толерантность» вошло в грузинскую речь и нашу жизнь довольно резко и неожиданно. Но само понятие – словно придумано именно про нас. Маленькая справка: социологический термин «толерантность», от латинского «терпение, способность переносить», обозначает «терпимость к иному – мировоззрению, образу жизни, поведению, обычаям». И вся история Грузии – это демонстрация толерантности. Я, выросшая в одном из старых районов Тбилиси – Солولاки, не представляю себе двор без старушки-армянки, которая внимательно осматривает каждого входящего в ворота и выходящего, украинки тети Марии, подкармливающей всех кошек на улице, езидки Зины, втихаря гадающей на картах и делающей какие-то привороты, семьи шумных кахетинцев, благодаря которым после сбора винограда в их селе весь наш двор весело отмечал ртвели уже в Тбилиси. Только в тбилиском дворе соседи дружно едят мацу, намазывая харосет, – угощение тети Фиры, а через неделю также дружно отмечают православную Пасху, уминая куличи, испеченные тетей Марией и моей мамой... В радости и в горе мы были вместе и никогда не задумывались о разности национальностей и мировоззрений. Поэтому я с удовольствием приняла приглашение на праздничный вечер в Национальной парламентской библиотеке Грузии, посвященный 25-летию газеты «Многонациональная Грузия» и 20-летию литературного альманаха «На холмах Грузии».

– Здесь находятся мои армянские и азербайджанские коллеги, – обратился к собравшимся Михаил Айдинов, редактор газеты «Многонациональная Грузия» и альманаха «На холмах Грузии», – представляющие газеты, которым уже по сто лет и больше. А мы – «Многонациональная Грузия» – появились в этом ряду только в 1999 году. Но с гордо-

стью могу сказать, что мы никогда не были сторонними наблюдателями жизни диаспор. Кроме того, что на наших страницах отражались их проблемы, традиции, газета лоббировала ратификацию парламентом Грузии Рамочной конвенции по правам национальных меньшинств, внесение коррективов в законы о государственном языке, образовании, реквизиты удостоверения личности, Избиратель-

ный кодекс. Мы печатали перевод соглашения об ассоциации Грузии с Европейским союзом, отчеты мониторинговых групп на президентских, парламентских, муниципальных выборах. Всего не перечислить. Это активная, деятельная жизнь живой газеты, результативно участвующей в общественной жизни страны.

А за время существования альманаха «На холмах Грузии» на его страницах была представлена вся палитра литературного мастерства: от афоризмов до очерков, от сказок до эссе, от мемуаров до юморесок, от пародий до архивных материалов. В сорока номерах были опубликованы произведения 218 писателей из США, Канады, Израиля, Германии, Испании, Франции, Греции, Люксембурга, Киргизии, Беларуси, Армении, Российской Федерации... И, конечно же, львиная доля издания отдавалась писателям из Грузии – из Тбилиси, Рустави и Батуми, где находятся филиалы Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион», и других городов.

Я с гордостью могу сказать, что мы – «Многонациональная Грузия», альманах «На холмах Грузии» и наше общество «Арион», объединяем народы, проживающие в Грузии, и служим на благо нашей родины!

Валерий Харютченко

Маквала Гонашвили и Михаил Айдинов

На вечере с поздравлениями выступили: Анатолий Лис, Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Беларусь в Грузии; Довлетмырат Сейитмаммедов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Туркменистана в Грузии; Ваагн Тоноян, советник посольства Республики Армения. Было зачитано приветственное письмо посла Болгарии в Грузии Веселина Валканова.

Председатель Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили вручила Михаилу Айдинову премию имени Нико Николадзе – «за плодотворную журналистскую, литературную и общественную деятельность». Надо отметить, что это далеко не первая награда Михаила Юрьевича. Он – кавалер ордена Чести, ордена «Орел Кавказа», медали за «Мирный Кавказ», лауреат премий Давида Агмашенебели, Иванэ Мачабели, обладатель званий «Попечитель грузинской культуры», «Знаменосец мира», «Посол мира» ООН и «Рыцарь толерантности».

На вечере прозвучали поздравления от координатора Совета национальных меньшинств при офисе Народного защитника Грузии Кобы Чоплиани, эксперта по вопросам Кавказа Мамуки Арешидзе, докторов исторических наук Бадри Начкебия и Иванэ Ментешавили. Ценные подарки юбиляру преподнесли художественный

руководитель Тбилисского армянского драматического театра имени П. Адамяна Армен Баяндурян и проректор Сухумского государственного университета, профессор Индира Дзаян.

Собравшихся порадовали своими выступлениями и авторы альманаха – протоиерей Владимир Александров, который переводит на русский язык классиков грузинской поэзии, поэт Михаил Ананов, Юлия Ключникова, исполнившая авторские песни, сказочница Ирина Мгеладзе-Мирошниченко, прозаик Татьяна Астрит. Валерий Харютченко – ведущий актер театра им. А. Грибоедова – присоединился к поздравлениям и прочитал свои стихи

Конечно же, не обошлось без поздравлений коллег – редактора журнала «Русский клуб» Нины Шадури, редактора газеты «Гюрджустан» Хеладдина Элтуева, редактора газеты «Шалом» Льва Самовского, а также руководителей азербайджанской, армянской, русской, белорусской, латышской, болгарской диаспор.

И все они были единодушны в своих искренних поздравлениях и пожеланиях газете «Многонациональная Грузия» и альманаху «На холмах Грузии» долголетия и процветания.

Многая лета!

АРИСТОКРАТ ФУТБОЛА

Вахтанг Челидзе и Кахи Асатиани

Звание «Рыцарь спорта» ему было официально присвоено в 2011 году по решению Министерства спорта и по делам молодежи Грузии, но в футбольном мире еще с конца 1960-х годов, когда он блестяще играл за тбилисское «Динамо» и сборную СССР, многие футболисты обращались к нему – Князь. Это не было случайностью – Кахи Асатиани с юности отличался не только прекрасным видением поля и филигранной техникой, но и аристократическим поведением на поле и в жизни. Все это приводило в восторг тренеров, игроков, журналистов и поклонников.

Тенгиз ПАЧКОРИЯ

Знаменитому грузинскому футболисту, мастеру спорта международного класса, заслуженному тренеру Грузии Кахи Шалвовичу Асатиани посвятил свою новую книгу публицист и фоторепортер Демико Лоладзе, автор более 80 книг и фотоальбомов о выдающихся грузинских спортсменах и деятелях культуры XX века. В книге, изданной при поддержке Федерации футбола Грузии, опубликованы воспоминания выдающихся грузинских и зарубежных футболистов, а также уникальные фотографии Кахи Шалвовича. И все авторы воспоминаний единодушно отмечают, что Асатиани был не только прекрасным футболистом, но и очень интеллигентным человеком, без преувеличения – рыцарем, аристократом.

Из-за серьезной травмы, полученной в матче чемпионата СССР против ереванского «Арабата» в 1971 году, Кахи в 28 лет вынужден был прекратить карьеру футболиста, т.к. восстановиться так и не удалось, несмотря на все усилия врачей. Но Асатиани успел отыграть десять лет в тбилисском «Динамо» и три года – в сборной СССР в матчах отборочного турнира чемпионата мира 1970 года, на самом первенстве мира в Мексике и после того. Поклонники футбола со стажем помнят его игру в Мексике, его изумительный гол в ворота сборной Бельгии, который положил начало разгрому бельгийцев

(4:1). Кстати, до матча с Бельгией в игре сборных СССР и Мексики впервые в истории чемпионатов мира были показаны желтые карточки. И первым игроком, которого предупредил арбитр Курт Ченшер (ФРГ), стал Асатиани – и, как говорится, попал в учебники.

Мне было тогда 10 лет, я жил в родном Сухуми, уже был футбольным болельщиком и хорошо помню трансляции матчей чемпионата мира, помню, как телекомментаторы объявляли состав сборной СССР – приятно было слышать фамилии игроков тбилисского «Динамо» Кахи Асатиани, Муртаза Хурцилава, Реваза Дзодзуашвили, Гиви Нодия, а также уроженца Батуми, в то время вратаря московско-

го «Спартак» Анзора Кавашвили. Между прочим, в сборной СССР тогда играл и выдающийся футболист Слава Метревели. Но в 1970-м Славе было 34 года, и ему, как и почти 41-летнему голкиперу Льву Яшину, выступить в Мексике не довелось... Они оба были в заявке команды, но на поле не вышли.

После завершения карьеры футболиста Кахи Асатиани из спорта не ушел. В 1978-1982 годах он был начальником «Динамо» Тбилиси и, кстати, в этом качестве находился в Дюссельдорфе, когда наша команда одержала великолепную победу в финальном матче Кубка Об-

ладателей Кубков Европейских стран.

Затем Кахи Шалвович работал заместителем председателя грузинского республиканского совета общества «Динамо», председателем Союза ветеранов футбола Грузии, министром спорта Грузии, в 1993-2000 гг. – председателем Государственного департамента спорта. Менялись правительства, премьер-министры, а Кахи оставался руководителем главного спортивного ведомства Грузии, поскольку был успешным организатором, общительным и внимательным человеком. В 1990-е годы, в тяжелых условиях, на фоне крайне острых проблем, в том числе и экономического характера, Асатиани сумел многое сделать для развития спорта. Легендарный футболист Давид Кипиани не раз говорил, что «у Кахи Асатиани многому нужно учиться – как у футболиста и как у спортивного организатора».

После Олимпийских игр 1996 года в Атланте многие думали, что Кахи Асатиани будет снят с должности председателя Государственного департамента спорта. Как известно, знаменитый дзюдоист, трехкратный чемпион Европы и чемпион Олимпийских игр 1992 года в Барселоне Давид Хахалейшвили из-за невнимательности ряда членов олимпийской делегации Грузии в Атланте не успел вовремя пройти процедуру взвешивания, вследствие чего был дисквалифицирован. Этот факт вызвал недовольство общественности Грузии, некоторые спортивные и общественные деятели нашей страны пытались обвинить в случившемся Асатиани, отводя стрелки от конкретных виновников. В конце концов причины случившегося были расследованы, и Асатиани продолжил работу на своем посту. А после Олимпиады-2000 в Сиднее и в целом успешного выступления там спортсменов Грузии Кахи сам решил уйти с должности председателя. Последний год своей жизни, вплоть до трагической гибели, он работал вице-президентом авиакомпании «Аирзена».

Мы были знакомы с Кахи с 1994 года. Он всегда был вежлив, открыт и конкретен в общении. Вспоминаю начало 1996 года, одну из наших бесед после передачи на Общественном

На чемпионате мира в Мексике

телевидении Грузии. Речь шла о чемпионате мира в Мексике, где в составе сборной СССР он участвовал во всех четыре матчах – с Мексикой, Бельгией, Сальвадором и Уругваем. Кахи Шалвович, конечно, акцентировал внимание на матче СССР-Бельгия, и это было понятно – ведь именно он забил в ворота соперника переломный в игре гол. И тогда он сказал: «Тенго, у меня нет видеозаписи матча с Бельгией. Я могу только вспоминать свой гол в Мексике».

Он сказал мне об этом неслучайно. Кахи знал, что я знаком с несколькими зарубежными коллекционерами футбольных матчей, знал, что за год до этого мне удалось достать видеозаписи ряда встреч сборной СССР с участием грузинских футболистов на чемпионате мира 1966 года в Англии. Не забывайте, что в середине 1990-х годах интернет не был так развит, и добыть записи игр или больших фрагментов матчей чемпионатов Европы и мира было довольно сложно. При помощи зарубежных коллег я все-таки достал видеозапись – и это был мой подарок именитому футболисту. Кахи потом позвонил и сказал: «Я очень тебе благодарен, я посмотрел матч и словно снова вернулся на тот чемпионат, в свою молодость».

И сегодня, когда Кахи нет с нами уже более 20 лет, меня согревает мысль о том, что когда-то я смог доставить радость нашему рыцарю, нашему аристократу футбола.

ГРУЗИНЫ НА ВСЕМИРНЫХ ИГРАХ КОЧЕВНИКОВ

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

С 8 по 15 сентября в Астане прошли V Всемирные игры кочевников. В соревнованиях приняли участие более двух тысяч спортсменов из 89 стран мира. Грузинская сборная команда показала прекрасный результат, завоевав восемь медалей.

Всемирные игры кочевников – это международное спортивное и культурное событие, посвященное сохранению и продвижению кочевых традиций и наследия. В играх принимают участие команды из стран с кочевыми традициями, потому что в программу включены этнические виды спорта, такие как коббур (игра на лошадях с мячом), национальная борьба, стрельба из лука, охота с хищными птицами и многие другие. Первые игры состоялись в 2014 году в Кыргызстане, с тех пор они проводятся раз в два года.

Грузинские спортсмены готовились к этим международным соревнованиям с января. В команде было более двадцати человек, которые завоевали три серебряных и пять бронзовых медалей по разным видам этноспорта. Грузия оказалась на четвертом месте в общекомандном

зачете и на 20-м – в общем зачете среди стран-участников.

Грузинскую сборную команду поддержали Олимпийский комитет страны, а также Казахстанско-грузинское экономическое объединение и Посольство Казахстана в Грузии.

Спортсмены соревновались в 21 виде спорта. Всего разыгрывалось 97 комплектов медалей. Первое место занял Казахстан, завоевав 112 медалей (уточним, в составе казахской сборной выступало 216 спортсменов).

Хотя Грузия не является кочевой страной, она с самого основания игр принимает участие в этих соревнованиях, так как страна поддерживает исторические и культурные связи с соседними регионами, где кочевые традиции играют значительную роль. Эти сорев-

зания отнюдь не чужды грузинам, так как с древних времен территорию Грузии пересекали торговые пути и маршруты миграции разных народов. Кроме того, участие в этих играх позволяет Грузии продвигать свою культуру и поддерживать международные спортивные связи, что также способствует укреплению дружеских отношений со странами Центральной Азии и Кавказа, где кочевые традиции имеют историческое значение.

Более того, игры включают виды спорта и соревнования, которые популярны или близки к традиционному грузинским видам деятельности, таким как борьба, конные состязания и стрельба из лука.

В этом году грузины приняли участие в следующих видах этноспорта:

– казак курес – традиционный

вид борьбы у казахов, схожий с другими национальными видами борьбы Центральной Азии. Цель – сбить соперника с ног, используя захваты и броски. Участники борются стоя, на полу бороться не разрешено;

- асык ату – казахская игра, в которой используются асыки (кости из лодыжек овец). Игроки соревнуются в меткости, пытаясь выбить асык соперников или свои собственные в определенную цель с определенным расстоянием;
- мас-рестлинг – якутский вид борьбы, в котором два соперника сидят лицом друг к другу, удерживая палку. Задача – вырвать палку из рук соперника или перетянуть его на свою сторону. Этот вид спорта требует значительной силы рук и спины;
- тогызкумалак – интеллектуальная игра, популярная среди кочевых народов Центральной Азии, в частности, у казахов и кыргызов. Ее суть заключается в перемещении «камешков» (кумалаков) по игровому полю с

целью набрать как можно больше очков;

- кусбегилик – традиционное казахское соревнование, в котором участники демонстрируют мастерство охоты с хищными птицами, такими как соколы и беркуты.

Большую часть сборной команды представляли борцы. И не случайно, грузинские спортсмены давно уже полюбили казахскую национальную борьбу за схожесть с чидаобой, где присутствуют одинаковые приемы, методы тренировки и правила боя. В Грузии уже семь лет существует Федерация казахской борьбы (казак курес), ее президент Гиорги Читашвили отмечает возрастающий интерес к этому виду спорта среди грузин, причем, как среди юношей, так и девушек.

Призерами Всемирных игр стали: Паата Гвиниашвили (казак курес), Зураб Чагелишвили (казак курес), Онисе Будадзе (турецкая борьба) – «серебро»; Георгий Инашвили (казак курес), Гиги Отиашвили (казак курес), Онисе Будадзе (казак курес), Анано Моргочия (казак курес и борьба на поясах) –

«бронза».

Грузинская сборная команда продемонстрировала высокие результаты на V Всемирных играх кочевников, подчеркивая свои традиции и культурное наследие. Участие в таких соревнованиях не только укрепляет спортивные связи, но и способствует развитию культурного обмена между народами.

Несмотря на отсутствие «золота», грузинские спортсмены с гордостью вернулись с медалями и опытом, который поможет им в будущем. Президент Федерации казахской борьбы Георгий Читашвили отметил, что интерес к казахской борьбе среди грузин продолжает расти, а это обещает новые победы. Грузинские борцы уже начинают подготовку к чемпионату мира по казахской борьбе, который пройдет в декабре этого года в Индии.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Большому кораблю – большое плавание

Пожелание успехов человеку или иронический комментарий к планам чрезмерно амбициозного человека.

Источник: выражение приписывается Гаю Петронию. Популярность в России приобрело после премьеры комедии «Ревизор» Н. Гоголя:

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, черт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай Бог получить!

Растаковский. От человека невозможно, а от Бога все возможно.

Аммос Федорович. Большому кораблю – большое плавание.

Артемий Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Федорович (в сторону). Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор еще не генералы.

Бороться и искать, найти и не сдаваться

О верности своим целям и принципам.

To strive, to seek, to find, and not to yield (англ.).

Источник: последняя строка хрестоматийного стихотворения «Улисс» Альфреда Теннисона, монолог Одиссея (Улисса), в котором он выражает

надежду пуститься в новое плавание, неутолимую жажду странствий и испытаний.

Эти слова высечены на памятном кресте, установленном на холме Обсервер в Антарктиде в честь полярного исследователя Роберта Скотта и его товарищей. Скотт стремился первым достичь Южного полюса, но все-таки пришел к нему вторым, спустя несколько дней после Руаля Амундсена, и погиб на обратном пути вместе со всей командой.

В русском языке выражение стало популярно после выхода в свет романа «Два капитана» В. Каверина. Главный герой Саня Григорьев сделал его своим девизом на всю жизнь.

Борьба за существование

Struggle for life (англ.).

Источник: популярным это словосочетание стало благодаря труду Чарльза Роберта Дарвина под названием «О происхождении видов при помощи естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за существование».

Однако в научный обиход это выражение ввели другие ученые – А. де Кандоль, У. Герберт, Ч. Лайл, Ч.-У. Уэллс, о чем сам Дарвин упоминает в очерке, которым начинается свой труд. Но еще раньше данным словосочетанием воспользовались Г. В. Лейбниц, а потом – Г. Мальтус.

Братья наши меньшие

Представители животного мира.

Источник: популярность этому выражению подарило стихотворение Сергея Есенина «Мы теперь уходим понемногу»:

Счастлив тем, что целовал
я женщин,
Мял цветы, валялся
на траве
И зверье, как братьев
наших меньших,
никогда не бил по голове.

Однако поэт не является автором выражения. Эти слова приведены в Евангелии от Матфея (гл. 25, ст. 40): «И Царь скажет им в ответ: «истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (слова Иисуса о пришествии Сына Человеческого и Царя Небесного, который будет судить людей по делам их и будет милостив к праведникам).

В либеральной русской публицистике XIX в. «меньшой братией» называли людей из социальных низов.

В начале XX века меньшими, младшими братьями в России стали называть и животных – благодаря деятельности известных дрессировщиков братьев Дуровых, которые считали животных очень разумными и добрыми существами и добивались больших результатов в дрессировке с помощью ласки и доброты.

ВСЕ РАВНО – МИКВАРХАР!

27 ОКТЯБРЯ – 80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИКОЛАЯ КАРАЧЕНЦОВА

Показатель культуры – это ответственность за то место, где живешь, любовь к этому месту, помноженная на любовь к предкам, которые вложили в эти дома, в эти храмы свой разум, свое мастерство, свой труд... Как вы сохранили эту письменность, которая сама по себе – уже произведение искусства? Перед этим стоит снять шляпу.

Я знаю, что у вас есть разные пласты интеллигенции. Истинно интеллигентный человек, грузин, никогда не будет кичиться богатством. Нет. Он бедный. Но богатый внутренне. И поэтому интереснее общаться именно с такими людьми. Хотя все равно – генацвале, все равно – гагимарджос, все равно – миквархар!

...Приезжаю в Тбилиси и вижу – это тот же город, та же атмосфера, соединение наивности, крикливости, веселья, суеты, своеобразнейшей выразительной жестикуляции. Тбилисский гомон – он есть всегда, и я в него окунаюсь сразу же!

Между прочим, в свое время я ездил вместе с тбилисским «Динамо» золотой поры – братья Нодия, Гуцаев, академик в своем деле Кипиани. Это была футбольная фа-а-а-антастика, спектакль, сказка, и я это видел!

А вообще Тбилиси – один из самых красивых городов, какие я когда-либо видел в жизни. И он всегда – в моем сердце.

Николай КАРАЧЕНЦОВ
Тбилиси, 1987, 2000

ТБИСОБА-2024
Фото: Елена ГАЛАШЕВСКАЯ